

РУССКАЯ МОРСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 23

Июль 1932 г.

№ 23

СТ. ЛЕЙТ. М. О. ФОНЪ-КУБЕ.

Съ полуночи случаи

П Р А Г А

Старшій лейтенантъ М. О. фонъ-Кубе.

СТ. ЛЕЙТ. М. О. ФОНЪ-КУБЕ.

Съ полуночи случаи

1932
ПРАГА

„СЪ ПОЛУНОЧИ СЛУЧАИ“.

— Что это за книжка, мама?

...Она меня заинтересовала давно — съ того довольно ранняго момента, когда я началъ интересоваться печатнымъ словомъ. Маленькая, толстая — толщина ея равнялась высотѣ — она скромно пряталась на верхней полкѣ открытаго книжнаго шкафика, между старымъ словаремъ Брокгауза (такимъ старымъ, что, по увѣренію шутника-дяди, въ немъ нельзя было найти словъ „Америка“ и „Колумбъ“) и серьезнымъ, — въ солидныхъ темно-синихъ переплетахъ, — „дозволеннымъ цензурой“, собраніемъ сочиненій Пушкина, гдѣ въ стихотвореніяхъ перваго періода имѣлось больше многоточій, чѣмъ словъ...

— Это дневникъ дѣдушки... когда онъ былъ со-всѣмъ молодымъ и сдѣлалъ далекое путешествіе... въ Южную Америку.

Америка — это было понятно. Это та мѣдно-красная страна на лѣвомъ полушаріи моей первой карты, кончающаяся внизу такимъ длиннымъ хвостикомъ.

Но, чтобы дѣдушка когда либо могъ быть молодымъ?! Отчетливо вспоминалось его доброе лицо, окаймленное аккуратно расчесанными бѣлыми бакенбардами, неизмѣнный черный докторскій сюртукъ и столь же неизмѣнная душистая сигара.

Раза два или три пришлось видѣть его въ другомъ, тоже черномъ сюртукѣ съ забавными длинными хвостиками сзади. Тогда черезъ бѣлый жилетъ шла

такая красивая, мягкая и гладкая, темно-синяя лента, а на лѣвой сторонѣ груди сверкала большая звѣзда (совсѣмъ, какъ на елкѣ) съ бѣлой птицей посрединѣ. Но всегда — насколько хватала память — онъ былъ старымъ и сѣдымъ...

— А можно ее прочесть?

— Нѣтъ, сейчасъ ты слишкомъ маленькій и умѣешь читать только печатное. Подрастешь — прочтешь...

Время шло. Промелькнули гимназическіе годы, подходилъ къ концу послѣдній годъ въ Морскомъ Корпусѣ. Въ хмурый зимній день, скучая одинъ дома — въ карантинѣ послѣ какой то болѣзни, — я подошелъ къ шкафику въ поискахъ „чего нибудь почитать“. И вдругъ взгляды мой упалъ на таинственную черную книжку.

Черезъ минуту, устроившись поудобнѣе въ старомъ дѣдовскомъ креслѣ и закуривъ тонкую дамскую папироску („даръ“ курильщицы-тетушки, сплавлявшей мнѣ непонравившійся ей табакъ, — большое подспорье для вѣчно пустого гардемаринскаго кармана!), я бережно разогнулъ ссохшійся, скрипнувшій переплетъ.

Пожелтѣвшіе листы старой, добротной тряпичной бумаги. Мелкій, не по докторски четкій почеркъ.

По исполнѣ понятному для молодого человѣка, впервые попавшаго на палубу корабля, желанію походить возможно больше на истаго морского волка, — дневникъ принялъ форму вахтеннаго журнала. На лѣвыхъ страницахъ шли графы: вѣтра, состоянія моря, давления барометра и т. п.; на первой правой страницѣ старательно вырисовано: „Динамюнде, 5-го октября 184... года, съ полуночи случаемъ...“

.

Событія развернулись удивительно быстро. Я еще не могу освоиться съ тѣмъ, что завтра я покидаю родину на цѣлый годъ, — а то и больше, — и отправляюсь въ невѣдомые края, въ далекія тропическія страны.

Двѣ недѣли тому назадъ мнѣ шутя предложили отправиться въ Южную Америку. Затѣмъ поговорили серьезнѣе — и вотъ я бесплатный пассажиръ, нѣтъ, — зачисленный въ роль, судовой врачъ трехмачтовой шхуны „Анна“, приписанной къ Рижскому порту и идущей съ грузомъ пеньки и смолы въ Пернамбуко.

А почему бы и не взглянуть на Божій міръ?! Я такъ недавно смѣнилъ пеструю шапочку дерптскаго корпоранта на солидную „докторскую“ шляпу, что многочисленная (въ будущемъ!) практика можетъ немного подождать!

*9-го октября, въ виду
острова Борнгольма.*

Чудный осенній день. „Анна“ подъ всѣми парусами, кокетливо накренившись, держитъ курсъ W, къ датскимъ проливамъ. На лѣвомъ траверсѣ (нельзя говорить: съ лѣвой стороны!) виднѣются бѣлыя, мѣловыя скалы и зеленые лѣса Борнгольма.

Устраиваюсь въ сооруженной судовымъ плотникомъ, специально для меня, клѣтушкѣ, громко именуемой „докторской каютой“. Но, много ли надо!

Въ послѣдній день нашей стоянки въ Ригѣ капитанъ Ольсенъ, — рослый шведъ съ острова Вормса, — пригласилъ меня пообѣдать съ нимъ у его сестры. Въ маленькомъ домикѣ Митавскаго форштадта насъ встрѣтила привѣтливая, молодая еще женщина — такая же свѣтловолосая и голубоглазая, какъ и братъ.

Ея мужъ, работавшій на судостроительной верфи, убитъ годъ тому назадъ упавшимъ краномъ. Надломленная горемъ, она живетъ исключительно для своего сына, — шустрого, веселаго мальчугана 14-ти лѣтъ, — зарабатывая на жизнь шитьемъ и починкой бѣлья.

Сидя послѣ обѣда, за чашкой вкуснаго кофе съ домашними булочками, на крохотномъ балконѣ, мы, естественно, говорили только о предстоящемъ плаваніи. Мелькали экзотическія имена — Пернамбуко, Риоде-Жанейро, Ла-Плата.

Устроившись у ногъ дяди, Ваня не сводилъ съ него своихъ широко раскрытыхъ голубыхъ глазъ, отрываясь лишь изрѣдка, чтобы ткнуть пальцемъ въ раскрытый на колѣняхъ, потрепанный атласъ, повторяя при этомъ шопотомъ эти заманчивыя, таинственныя названія.

Наконецъ его прорвало.

— Дядя, возьми меня съ собой!

Капитанъ флегматически выпустилъ клубъ дыма изъ своей коротенькой трубки раньше, чѣмъ отвѣтить.

— А почему бы и нѣтъ?

Ваня взвизгнулъ отъ восторга.

— Ты вѣдь шутишь, Ларсъ? — спросила дрожащимъ голосомъ смертельно поблѣднѣвшая молодая женщина. — Дядя шутить, — продолжала она, притягивая къ себѣ взволнованнаго мальчика. — Вѣдь это совсѣмъ, совсѣмъ невозможно. — Она попыталась улыбнуться, пытливо заглядывая въ глаза брата.

— Почему бы и нѣтъ?! — повторилъ Ольсенъ. — Я началъ плавать въ его возрастѣ. Онъ у тебя худенькій, блѣдный. Морской воздухъ совсѣмъ передѣляетъ его... Школа? — угадалъ онъ готовое сорваться съ губъ сестры возраженіе. — Успѣетъ еще покопѣть надъ книгами, да и докторъ, навѣрное, не откажется подзаняться съ нимъ. Не правда ли, докторъ?

— Конечно, — отозвался я немного нервнительно, замѣтивъ, какъ поухла въ глазахъ молодой женщины вспыхнувшая было надежда.

А капитанъ ухватился за мысль.

— Да, вотъ, и докторъ скажетъ тебѣ, что ему ничего, кромѣ пользы, не будетъ отъ моря и солнца!

Мой первый діагнозъ привелъ меня въ глубокое смущеніе. Съ одной стороны — все говорило за то, что этому блѣдному, явно малокровному, не по годамъ вытянувшемуся мальчугану замѣна пыльной улицы предмѣстья свѣжимъ, соленымъ воздухомъ морского простора ничего, кромѣ добра, не принесетъ, — больше того, что, сдѣлавъ это сейчасъ, его можно уберечь отъ стерегущей такіе слабые организмы въ условіяхъ городской жизни опасности; а съ другой — я видѣлъ выраженіе смертельнаго страха и тоски въ глазахъ матери, ждавшей отъ меня рѣшающаго приговора...

Пришлось взять себя въ руки и внушить самому себѣ, что и для нея здоровье и будущее ея ребенка важнѣе временнаго горя, — чтобы оказаться въ состояніи убѣжденно поддерживать доводы капитана.

Луна уже взошла, когда мы покинули маленькій домикъ. Послѣ долгихъ споровъ молодая женщина наконецъ сдалась, — но мнѣ думается, не столько передъ разумными и въ то же время глубоко сердечными доводами брата, поддержанными моимъ свѣжеиспеченнымъ „авторитетомъ“, какъ передъ настойчивымъ, умоляющимъ шопотомъ ласкавшася къ ней Вани: „Мама, мамочка, отпусти!“ Было рѣшено, что на слѣдующій день, послѣ обѣда, она приведетъ Ваню на дамбу, у которой грузилась „Анна“.

Прощаніе было очень тяжелымъ... Ни бодрому, шутливому тону капитана, ни моимъ разсужденіямъ

и доказательствамъ не удавалось согнать съ лица матери это выраженіе безнадежной тоски, заставить измѣниться этотъ взглядъ затравленнаго, смертельно раненаго животнаго.

Ваня — по свойственнымъ его возрасту безпечности и дѣтскому эгоизму — не замѣчалъ, какъ тяжело переживаетъ мать эту первую разлуку, и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, исчезъ въ нѣдрахъ шхуны.

Онъ появился лишь къ моменту отхода — и то по зову дяди, — безъ шапки, съ взъерошенными волосами и сверкающими глазами, успѣвъ уже вымазаться въ смолѣ и свѣжей краскѣ.

И только когда мать, охвативъ обѣими руками его голову, впиалась въ его губы безконечнымъ поцѣлуемъ, — мальчуганъ смутно почувствовалъ, чего ей стоила его радость, — и притихъ..

— Успокойся, Анна, — произнесъ, наконецъ, Ольсенъ немного хриплымъ голосомъ, — годъ пройдетъ незамѣтно. Ваня вернется крѣпкимъ, краснощекимъ молодцомъ. За это мы ручаемся съ докторомъ! Изъ cadaго порта буду аккуратно писать тебѣ. Будь спокойна, даю тебѣ слово, что глаза не спущу съ него и, пока я живъ, ничего съ нимъ не случится!

— Ну, пора... — добавилъ онъ послѣ паузы, обнимая вздрагивавшія плечи сестры.

— Иди съ Богомъ, мой милый, мое счастье... — прошептала она беззвучнымъ голосомъ, отрываясь отъ сына...

И все время, пока шхуна, распустивъ всѣ паруса, медленно спускалась по широкому руслу Двины, мы видѣли на уходившей отъ насъ пристани ея застывшую въ своемъ горѣ, неподвижную фигуру...

Наше плаваніе начинается въ наилучшихъ условіяхъ. Ровный вѣтеръ — отъ SO до S — позволяетъ нести всѣ паруса, а ясное небо и пригрѣвающее еще осеннее солнце — проводить цѣлые дни на палубѣ. Я облюбовалъ себѣ мѣстечко у капитанской рубки, гдѣ устраивался съ комфортомъ на бухтѣ троса, съ какойнибудь книжкой. Правда, о серьезномъ чтеніи не могло быть рѣчи, такъ какъ ежеминутно приходилось отрываться, чтобы отвѣчать на безчисленные вопросы Вани, жадно воспринимавшаго всѣ явленія новаго міра, развертывавшагося передъ его глазами.

Когда „Анна“ вошла въ Лангеландъ-Бельтъ и съ обоихъ бортовъ начали проплывать мирные пейзажи Даніи съ ея усадьбами, фермами, старинными колокольнями деревенскихъ церквей, полями и дубовыми лѣсами — Ваня растерялся: надо было поспѣвать и туда, и сюда, чтобы не упустить ничего изъ все новыхъ и новыхъ чудесъ!

На второй день нашего плаванія въ проливахъ, вечеромъ, я читалъ Ванѣ импровизированную лекцію о „головоногихъ“, вызванную его восторгомъ и вопросами по поводу плившихъ вдоль борта коричнево-красныхъ медузъ.

Сдавъ руль молчаливому, флегматичному финну Паволайнень, капитанъ присоединился къ намъ.

— Готовьте на завтра „морскія ноги“, докторъ! — проговорилъ онъ, смѣясь, и погладилъ взѣрошенную голову Вани.

— Вы думаете, засвѣжѣтъ, капитанъ?

— Ага, вы уже не говорите „будетъ буря“? „Засвѣжѣтъ“ — это совсѣмъ хорошо. Изъ васъ выйдетъ толкъ, докторъ! — продолжалъ онъ шутливо, а

затѣмъ, мѣняя тонъ — Да, будетъ свѣжо и, можетъ быть, даже очень свѣжо! Вотъ, вотъ и вотъ! — Его протянутая рука указала послѣдовательно на багрово-красный закатъ, на тянувшіяся съ SW'а длинныя перистыя облака и на кружившіяся надъ берегомъ стаи чаекъ.

— Вы знаете, что онѣ жмутся къ берегу передъ штормомъ... А вотъ вамъ и ученое дополненіе къ нашимъ рыбацкимъ примѣтамъ! — Ольсенъ указаль на виднѣвшійся впереди мысъ.

Мнѣ пришлось прибѣгнуть къ биноклю, чтобы разсмотрѣть на мысу приземистое зданіе маяка съ круглой башней, на которой какъ разъ началъ вспыхивать проблесковый бѣло-красный огонь.

— Въ чемъ же дѣло?

— Видите налѣво отъ башни мачту? Да?.. А на мачтѣ два черныхъ конуса вершинами внизъ? Вотъ... такъ это сигналъ метеорологической станціи: „ождается сильный (потому два конуса) штормъ изъ SW'ой четверти“.

— Но посмотрите на это чучело! — перебилъ онъ самъ себя.

Изъ люка вылѣзалъ Ваня — въ красной, вязаной фуфайкѣ, доходившей ему до колѣнъ, и громадныхъ сѣрыхъ рукавицахъ; непокорная чолка свѣтлыхъ какъ ленъ волосъ выбивалась изъ подъ надвинутаго на самые смѣющіеся глазенки вязанаго же, красно-сине-бѣлаго колпака.

— Кто это тебя такъ вырядилъ?

— Я, капитанъ! — отозвался показавшійся за нимъ изъ люка, со своей скрипкой подъ мышкой, помощникъ, весельчакъ норвежець Ларсенъ. — У мальчишки посинѣли руки, а его фуражку все время сносить вѣтеръ. Немного велико, но можно закатать рукава!

И Ваня, гордый своимъ „морскимъ“ видомъ, уместился между капитаномъ и мной на бухтѣ, между тѣмъ какъ Ларсенъ, прислонившись къ гротъ-вантамъ, началъ настраивать свою скрипку...

Ньюкастль, 16-го октября.

Я проснулся отъ сильнаго удара по головѣ. Стремительно поднявшись, я чуть не вылетѣлъ изъ узкой койки. Крошечный иллюминаторъ вдругъ закрыла какая то темно-зеленая масса. Стало темно. По головѣ опять что то больно ударило. Спустившись съ койки и цѣпляясь за ея бортъ, я началъ довольно растерянно осматриваться. Удары по головѣ объяснялись довольно просто: съ полки надъ койкой съпались мои такъ аккуратно разставленные книги, начиная съ увѣсистаго медицинскаго словаря.

Съ трудомъ — и нѣсколькими дополнительными синяками — я одѣлся и вышелъ, — вѣрнѣе, вылетѣлъ, — въ миниатюрный „салонъ“, какъ называлось у насъ это помѣщеніе — два метра на полтора — цѣликомъ занятое столомъ и двумя обитыми клееной диванами.

Въ салонѣ было пусто. Подъ столомъ скулилъ „Кранцъ“ — судовой песикъ совершенно невѣдомой породы, — а въ углу, упираясь ногами въ столъ, Ваня сосредоточенно пытался сохранить равновѣсіе кружки съ кофе.

— Докторъ, дядя не позволяетъ выходить на палубу, — поспѣшилъ онъ подѣлиться своимъ горемъ. — Какой же я морякъ, если даже не видѣлъ бури?!

Увлечшись, онъ упустилъ на мгновение изъ виду свою кружку и струя горячаго кофе окатила его вытянутыя ноги.

— Ну, братъ, дядя это знаетъ лучше насъ съ тобой, — попытался я утѣшить разочарованнаго и

ошпареннаго мореплавателя, — у меня тоже еще не выросли морскія ноги. Такъ мы ужъ посидимъ вмѣстѣ, почитаемъ.

Проглотивъ, не безъ затрудненій, свой кофе, я досталъ книжку и началъ читать. Но чтеніе сегодня не клеилось. Ваня былъ разсѣянъ и надутъ, а я самъ не могъ опредѣлить, что творилось со мною. Голова все тяжелѣла, во рту появился какой то отвратительный вкусъ, а розмахи поскрипывающей въ своихъ подвѣсахъ керосиновой лампы вызывали какія то пренепріятныя „синхроническія“ движенія въ желудкѣ. Морская болѣзнь — вотъ она!.. И долженъ сознаться, что научный интересъ изученія ея симптомовъ на самомъ себѣ не вызвалъ во мнѣ никакого энтузіазма!

Крышка входнаго люка немного отодвинулась, пропустивъ послѣдовательно слабый лучъ свѣта, затѣмъ каскады воды, журча сбѣгавшей по ступенькамъ трапа, и, наконецъ, капитана Ольсена въ лоснящемся мокромъ дождевикѣ и зюйдвесткѣ.

— Доброе утро, — проговорилъ онъ, встряхиваясь и обдавая насъ дождемъ брызгъ. — Эге, докторъ, да вы, кажется, уже того?! Блѣдный, зеленый. Выпейте коньяку и ложитесь скорѣе. Или, если хотите, вылѣзайте наверхъ!

— Съ удовольствіемъ!

— Ну, насчетъ удовольствія — его мало въ эту собачью погоду. Реветь во всю.

— Дядя!.. а мнѣ можно?!

— Нѣтъ, нѣтъ! Сиди спокойно, смотри картинки или играй съ „Кранцемъ“!

— Дядя!!

— Сказано — нѣтъ! Эта погода не про тебя. Я начинаю даже сожалѣть, что пригласилъ доктора... — и, взглянувъ на надувшееся лицо Вани, капитанъ добавилъ: — Понялъ? Я тебѣ запрещаю показываться наверхъ, пока я тебя самъ не позову!

— Ну, докторъ, напяливайте дождевикъ, завяжите покрѣпче зюйдвестку и приготовьтесь принять холодный душъ!

Черезъ нѣсколько минутъ я поднимался по ухидившему изъ подъ ногъ трапу вслѣдъ за капитаномъ. Ольсенъ отодвинулъ крышку люка.

— Вылѣзайте, докторъ, и хватайтесь покрѣпче за тросъ... вотъ, направо!

Я протянулъ руку, чтобы схватить туго натянутый, мокрый тросъ, но въ этотъ моментъ что то меня оглушило, ноги подкосились и я почувствовалъ, что меня неудержимо увлекало куда то внизъ... Но въ то же мгновеніе желѣзная рука Ольсена схватила меня за воротъ и поставила на ноги. Вцѣпившись обѣими руками въ тросъ и стараясь сохранить равновѣсіе, я началъ озираться.

Сильно накрененная на подвѣтренный бортъ шхуна не успѣвала всходить на короткую, крупную волну и врѣзалась въ гребни, съ шумомъ и свистомъ обрушивавшіеся на палубу. Стояли только туго зарифленные штормовые паруса.

Не успѣлъ я еще охватить глазами всей картины, какъ меня вновь, съ головой, накрыла звенящая зеленая масса. Поддерживаемый Ольсеномъ, я кое-какъ доползъ до кормы, гдѣ двѣ канареечно-желтыя фигуры, въ нахлобученныхъ зюйдвесткахъ, быстро и молча прикрутили меня къ какой то тумбѣ (мнѣ было не до морскихъ терминовъ!). Вздохнувъ, наконецъ, свободнѣе, я оглянулся.

За мной Ольсенъ и одинъ изъ матросовъ смѣняли у штурвала Ларсена и Паволайнена, разматывавшихъ концы, котерыми они были привязаны. Около вытянутыхъ въ струну шкотовъ три человекъ „вахты“ стоически принимали одну холодную ванну за другой. По палубѣ съ журчаніемъ переливалась вода, не успѣвавшая уходить черезъ штормовые шпигаты.

Море кипѣло. Сѣро-зеленая волны, испещренная
кочьями пѣны, тѣснились одна за другой, насколько
хватало глазъ. Низко несущіяся свинцовыя облака,
періодически раздражавшія крупнымъ, косымъ дож-
демъ. Непрерывный, оглушительный свистъ вѣтра.
Временами поверхность моря темнѣла и съ воемъ и
шипѣніемъ налеталъ шквалъ. Шхуна кренилась еще
сильнѣе, мачты скрипѣли и стонали.

Вдругъ, сквозь грохотъ обрушившейся снова на
палубу волны, послышался сильный, сухой трескъ...

— Бушпритъ къ чорту! — заоралъ Ларсенъ,
присоединившійся къ вахтеннымъ.

— Руби!

Цѣпляясь за протянутый тросъ, Ларсенъ съ
вахтенными стали пробираться впередъ, исчезая вре-
менами въ клокочущей пѣнѣ. Послышались короткіе,
сухіе удары топоровъ.

Ольсенъ вытягивалъ шею, стараясь слѣдить за
опасной работой на бакѣ.

Съ навѣтра море опять потемнѣло.

Въ этотъ моментъ взглядъ мой упалъ на вход-
ной люкъ. Крышка его медленно отодвигалась...

Шхуну качнуло...

Дверки распахнулись...

На порогѣ появились двѣ громадная сѣрая ру-
кавицы... а за ними смѣющаяся мордочка Вани, вы-
глядывавшая изъ подъ низко нахлобученнаго вяза-
наго колпака...

— Ваня!! — вскрикнулъ я не своимъ голосомъ.

Ольсенъ, всецѣло ушедшій въ наблюденіе за
бакомъ, вздрогнулъ и обернулся.

— Назадъ! — завопилъ онъ хриплымъ голосомъ,
судорожно раздергивая затянувшійся, намокшій ко-
нецъ, прихватывавшій его къ штурвалу...

Завылъ налетѣвшій шквалъ...

Надъ лѣвымъ бортомъ выросла прозрачно-зеленая гора и со свистомъ рухнула на палубу, слѣпя, оглушая и закрывая все...

Шхуна, скрипя и треща, медленно выпрямлялась. По палубѣ ходила вода, плавали сорванные съ петьель дверцы люка.

Улыбающаяся рожица въ черномъ отверстіи люка исчезла...

— Ваня за бортомъ! На шлюпку! — раздался громкій, взволнованный голосъ Ларсена, возвращавшагося со своими людьми съ бака. Выхвативъ широкій финскій ножъ, онъ бросился рѣзать державшіе шлюпку найтовы. Изъ носового кубрика вылѣзали, торопясь и толкаясь, полураздѣтые „подвахтенные“.

— Отставить! — слышался рѣзкій окрикъ капитана. Я обернулся, совершенно ошеломленный. На Ольсена было страшно смотрѣть: лицо его стало пепельно-сѣрымъ, неестественно раскрытые глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

Ларсенъ на мгновеніе остановился, недоумѣваяще глядя на капитана.

На гребнѣ уходящей волны мелькнуло ярко-красное пятно...

— Скорѣй, скорѣй, ребята! — заоралъ Ларсенъ, отчаянно заработавъ ножомъ.

— Отставить! — хрипло крикнулъ вторично Ольсенъ. — Спускать шлюпку въ такую волну чистое безуміе! Отставить! Слышите, Ларсенъ?! Я не имѣю права посылать людей на вѣрную смерть! — просто-наль онъ сквозь зубы...

— Не слушай его... онъ съ ума сошелъ... — мрачно буркнулъ Паволайненъ, перерѣзая второй найтовъ, — рѣжь скорѣе, ребята!

Въ рукѣ капитана появился тяжелый револьверъ.

— Командую здѣсь одинъ я! — зазвенѣлъ металлической, жесткой нотой его голосъ. — Первый,

кто не исполнитъ моего приказанія, получить пулю въ лобъ! По мѣстамъ... къ повороту!

Ларсенъ молча повернулся къ подвѣтренному борту, сдернулъ зюйдвестку и низко склонилъ голову. Остальные послѣдовали его примѣру и безъ звука разошлись по мѣстамъ...

Когда Ларсенъ, по окончаніи маневра, подошелъ смѣнить его, капитанъ только отрицательно мотнулъ головой.

— Помогите доктору спуститься внизъ...

.

Прошло уже три дня, а я все еще не могу очнуться отъ ужаса этихъ минутъ.

Стоимъ у пристани въ Ньюкастлѣ. Мороситъ мелкій, противный дождь. Сѣрое небо, сѣрая рѣка, сѣрый городъ.

Проходя мимо люка, я заглянулъ въ „салонъ“. Ольсенъ сидѣлъ у стола и писалъ. Вахтенный журналъ. Закончилъ... Подписалъ страницу. Затѣмъ вынулъ изъ ящика листъ бумаги, обмакнулъ перо...

Я понялъ. Это было письмо сестрѣ изъ перваго порта!..

Я понялъ и хотѣлъ тихо отойти отъ люка. Но въ этотъ моментъ Ольсенъ, бросивъ перо и схвативъ голову обѣими руками, поднялъ глаза... и до конца дней своихъ я не забуду встрѣтившагося съ моимъ взглядомъ этихъ глазъ!..

... Я проплавалъ съ капитаномъ Ольсеномъ почти полтора года. Многое пришлось видѣть и пережить вмѣстѣ, но никогда больше, съ того штормоваго дня въ Нѣмецкомъ морѣ, никто не видѣлъ улыбки на его вѣчно блѣдномъ, какъ бы окаменѣломъ лицѣ...

ВРАГИ.

Мѣрно и плавно, какъ дыханіе забывшагося глубокимъ сномъ усталаго человѣка, вздымается и опускается катящейся на западъ длинной и пологой зыбью голубая гладь Средиземнаго моря... Мѣрно и плавно, слѣдуя ея движенію, то поднимается, то погружается въ прозрачную волну тяжелый двухдечный корабль... Пирамиды доходящихъ почти до воды бѣлыхъ парусовъ еле надуваются прерывистымъ попутнымъ вѣтеркомъ... И каждый разъ, когда обезвѣтренные паруса съ глухимъ хлопаніемъ ложатся на мачты, этотъ звукъ болѣзненно отзывается въ сердцахъ экипажа...

Одна навязчивая и неотступная мысль живетъ во всѣхъ умахъ: „Скорѣе, скорѣе впередъ, скорѣе пройти эту зону возможной встрѣчи!“

Что это? Упадокъ духа у побѣжденныхъ? Страхъ передъ сильнѣйшимъ врагомъ? Нѣтъ! Не много дней прошло съ тѣхъ поръ, что дрались они одинъ противъ четырехъ и вышли изъ боя, хотя и побѣжденными, но готовыми вновь помѣряться силами съ врагомъ... И опытный глазъ моряка сразу замѣтитъ въ корпусѣ и рангоутѣ слѣды спѣшной задѣлки пробоинъ — почетныхъ раненій въ открытомъ бою... Нѣтъ, не имъ привыкать къ грохоту орудій, къ грозящей отовсюду смерти!..

Но не сейчасъ, не теперь встрѣтятся съ врагомъ!..

Ихъ задача иная — прорваться, проскользнуть незамѣченными сквозь вражескія эскадры, и доставить

на далекую родину ввѣренный имъ драгоцѣнный грузъ!

Инструкція адмирала передъ уходомъ гласила ясно и кратко: „Или прорваться, — или взорваться!“

И на всѣхъ лицахъ написана сумрачная рѣшимость: умереть, но — не отдать!

Странный корабль! Еще длится полуденный отдыхъ, но на бакѣ не слышно ни гѣсенъ, ни оживленной матросской болтовни, ни безконечныхъ разсказовъ стариковъ о былыхъ походахъ и бояхъ... Даже отборныя ругательства стараго боцмана, не знающаго равнаго себѣ въ этой области краснорѣчя, — замирали, не успѣвъ вылетѣть изъ подъ повисшихъ, сѣдыхъ усовъ... Всюду молчаніе, суровыя лица, крѣпко стиснутые зубы... Изрѣдка лишь загрубѣлая рука украдкой протретъ глаза...

На гафелѣ, въ слабыхъ порывахъ теплаго вѣтра, то разовьется, то снова бессильно повиснетъ — приспущенный до половины — трехцвѣтный флагъ Соединенныхъ Провинцій...

И взгляды команды, какъ зачарованные, все снова возвращаются то къ нему, то къ скрытой тяжелыми черными тканями двери капитанской каюты, у которой замерли на посту два рослыхъ молодца съ абордажными пиками...

За этой дверью, въ массивной серебряной урнѣ, покоится сердце Михаила Адриана Ванъ-Рюйтера, великаго изъ великихъ морскихъ вождей... сердце, всю жизнь бившееся для Родины и остановленное навѣки вражеской пулей... И на долю корабля — лучшаго ходока въ эскадрѣ — выпала почетная и опасная участь — доставить эту драгоцѣнную реликвию для погребенія въ родной землѣ, — или же, если судьба воспротивится, похоронить себя съ ней въ этихъ ласковыхъ голубыхъ волнахъ...

— Парусъ на NNW! — раздался внезапно тревожный окликъ съ форъ-салинга... И раньше, чѣмъ

дородный капитанъ Ванъ-Остаде успѣлъ приладить свою тяжелую подзорную трубу, послышалось: „...два... три... пять... семь парусовъ!“

Капитанъ, утвердивъ свою трубу, впился взглядомъ въ далекій горизонтъ, на которомъ еле замѣтными бѣлыми чайками вырисовывались эти паруса — вѣстники близкой и неминуемой смерти...

— Такъ и есть, Мертенсъ, — процѣдилъ онъ, отрывая глазъ отъ трубы и обращаясь къ стоящему рядомъ вахтенному лейтенанту. — Три линейныхъ корабля и четыре фрегата... Лучшіе ходоки, чѣмъ мы, и къ тому же только что вышедшіе изъ Тулонскихъ доковъ... Встрѣчи не избѣжать...

— Соберите команду на шканцы, — добавилъ онъ послѣ паузы.

Отрывистое приказаніе худощаваго, длиннаго лейтенанта Мертенса, рѣзкая трель боцманской дудки, топотъ босыхъ ногъ — и снова мертвая тишина... Сотни глазъ сгрудившейся на шканцахъ команды впились въ лицо командира.

Капитанъ снялъ сзюю широкополую, обшитую золотымъ галуномъ, шляпу, провелъ рукой по лбу и оперся обѣими руками на поручни.

— Ребята... Во флѣтѣ Его Высочества — Великаго Молчальника — больше дѣйствуютъ, чѣмъ говорятъ... Не ждите и отъ меня длинной проповѣди... Одно только помните: сердце нашего адмирала съ нами, и ни живымъ, ни мертвымъ, — голосъ капитана дрогнуть, — оно въ руки враговъ не попадетъ... По мѣстамъ, боевая тревога!..

Глухо зарокоталъ барабанъ, пронзительно заплѣли флейты... Снова, на нѣсколько минутъ, раздался топотъ, скрипъ блоковъ, лязгъ металла... и снова корабль замеръ.

— Попробуйте привести къ вѣтру, Мертенсъ, — произнесъ капитанъ послѣ долгаго взгляда въ трубу, — авось удастся еще проскочить... затянуть погоню до сумерекъ... а тамъ, рѣзко измѣнивъ курсъ... — онъ замолкъ, снова прильнувъ къ трубѣ.

Нѣсколько командныхъ словъ лейтенанта, свистки дудокъ и топотъ упирающихся въ палубу босыхъ ногъ прервали на нѣсколько мгновений давящую тишину. Корабль, убравъ лиселя и обрасопивъ паруса на лѣвый галсъ, слегка накренился и легъ на новый курсъ. Четверо дюжихъ рулевыхъ, отирая потъ, замерли вновь на рукояткахъ тяжелаго штурвала...

— Чистый маневръ, Мертенсъ, но... — добавилъ онъ, протягивая своему помощнику руку, — пожалуй, послѣдній, которымъ мы съ вами командовали на нашемъ добромъ старомъ кораблѣ... „Они“ выходятъ на вѣтеръ... сомнѣнія нѣтъ!..

Потянулись томительныя минуты...

Далекія бѣлыя чайки давно уже превратились въ стройную кильватерную колонну. Простымъ глазомъ можно уже было различить развѣвающіеся на гафеляхъ бѣлые флаги съ золотыми лиліями, сосчитать число открытыхъ орудійныхъ портовъ... Сто семьдесятъ черныхъ жерлъ смотрѣло на одинокій корабль...

— Контръ-адмиральскій флагъ на головномъ, капитанъ, — доложилъ лейтенантъ.

— Много чести, — пробурчалъ Ванъ-Остаде. — Наводка по рангоуту.

Послышался стукъ выбиваемыхъ клиньевъ, и тридцать два мѣдныхъ дула праваго борта поднялись выше, какъ бы взглядываясь въ стройный рангоутъ все приближавшагося противника.

— Странно, что они еще не открыли огонь, — подумалъ вслухъ капитанъ. — Французы любятъ бросать снаряды на вѣтеръ...

— Капитанъ, — вывелъ его изъ раздумья взволнованный голосъ лейтенанта, — они ложатся въ дрейфъ!

— Въ дрейфъ?! Въ тотъ моментъ, когда они у насъ выигрываютъ вѣтеръ?! Вы бредите, Мертенсъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, смотрите, — настаивалъ тотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, корабли французской эскадры одинъ за другимъ приводили къ вѣтру и ложились въ дрейфъ. Скоро вся линия замерла, плавно покачиваясь на затихавшей зыби.

— Парламентерскій флагъ на лѣвомъ нокѣ адмирала!

— Что еще за чертовщина! — потихоньку выругался капитанъ. — Ну, если этотъ „мусью“ думаетъ уговорить меня сдатьсь!.. — Онъ сжалъ свои крупные кулаки и вызывающая улыбка заиграла на мгновеніе на его мрачномъ лицѣ. — Прикажите поднять отвѣтъ. Посмотримъ, что нужно отъ насъ этому версальскому танцору!

— Спускаютъ шлюпку... На ютъ вызвали карауль... группа офицеровъ... отваливаются... Адмиралъ на шлюпкѣ! — закончилъ Мертенсъ, не отрывавшій глаза отъ трубы.

— Ложитесь въ дрейфъ, Мертенсъ. Карауль наверхъ! — распоряжался капитанъ, спускаясь по крутому трапу на палубу. — Покажемъ этимъ господамъ, что въ старой Голландіи знаютъ свѣтскіе обычаи.

Оправивъ свой сине-оранжевый шарфъ и одернувъ изрядно помятый кружевной воротникъ, капитанъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трапа, опираясь лѣвой рукой на эфесь тяжелой шпаги и покручивая правой свою сѣдѣющую острую бородку.

За бортомъ слышалась команда рулевого, хлопнули взятыя на-валекъ весла, стукнули о бортъ крюки. Надъ фальшъ-бортомъ показалась широкополая шляпа.

Барабанщикъ пробилъ затѣйливую частую дробь, поддержанный старавшимися изо всѣхъ силъ мальчишками-флейтистами.

На палубу легко прыгнулъ молодой еще офицеръ. Богато расшитый мундиръ и виднѣвшаяся подъ кружевнымъ жабо голубая лента ордена св. Духа — указывали на высокій чинъ прибывшаго. За адмираломъ послѣдовало нѣсколько офицеровъ.

Вмѣсто изнѣженнаго „танцора“ Ванъ-Остаде увидѣлъ съ изумленіемъ челоѵѵка съ загорѣлымъ лицомъ моряка, съ открытымъ и въ то же время властнымъ взглядомъ; слегка встопорщенные усы придавали его лицу нѣкоторое сходство съ разсерженнымъ котомъ.

— Дюкэнъ, контръ-адмиралъ эскадры Понанта морскихъ армій Его Величества Людовика XIV, короля Франціи и Наварры, — представился онъ, отвѣшивая церемонный поклонъ и касаясь палубы бѣлымъ перомъ своей шляпы.

— Ванъ-Остаде, командиръ линейнаго корабля „Провидѣніе“ флота Соединенныхъ Провинцій, — пробурчалъ капитанъ, пожимая съ опаской протянутые ему, на его взглядъ, „хрупкіе“ пальцы, и удивленно поднималъ густые брови, почувствовавъ неожиданную силу въ этой „дѣвичьей“ рукѣ.

— Я не ошибаюсь, предполагая, что Вамъ довѣренъ драгоцѣнный и печальный грузъ, капитанъ, — продолжалъ адмиралъ, указывая глазами на завѣшенную черными тканями дверь.

Лицо капитана побагровѣло.

— Я не судейскій крючокъ и не іезуитскій проповѣдникъ, адмиралъ, — выпалилъ онъ, немилосердно коверкая французскую рѣчь, — и до сѣдыхъ волосъ не научился лавировать языкомъ!.. Да, за этой дверью покоится сердце нашего великаго адмирала

— тотъ драгоценный грузъ, который я доставлю на родину, или взорву со своимъ кораблемъ... Но никогда, слышите — никогда вражеская рука не посмѣетъ коснуться его!

Задыхаясь отъ волненія и непривычно длинной рѣчи, Ванъ-Остаде рванулъ крючки своего воротника.

— Мингеръ каптейнъ напрасно волнуется, — серьезно произнесъ молодой адмиралъ на не совсѣмъ правильномъ голландскомъ языкѣ, и въ отвѣтъ на изумленно-вопросительный взглядъ командира добавилъ: — молодымъ офицеромъ я былъ командированъ на вашу флотъ и имѣлъ честь драться подъ флагомъ покойнаго въ „четыредневномъ бою“...

— Моряки, каковы бы ни были цвѣта ихъ флага, привыкли цѣнить доблесть противника, и для королевскаго флота было бы незаслуженной обидой — допустить мысль, что онъ можетъ нарушить покой мертваго героя!

— Взгляните на это, капитанъ, — продолжалъ адмиралъ, протягивая ему пергаментъ, поданный однимъ изъ офицеровъ свиты, — и вы убѣдитесь въ правотѣ моихъ словъ.

Ванъ-Остаде взялъ документъ и пробѣжалъ его глазами.

„Мы, Божіею милостію, Людовикъ XIV, Король Франціи и Наварры“, читалъ онъ, „Нашихъ морскихъ армій Генералъ-Лейтенанту и Маршалу, кавалеру де-Турвиль... повелѣваемъ... буде подчиненныя Вамъ эскадры, отряды или корабли встрѣтятъ въ морѣ отрядъ или корабль голландскаго флота, имѣющій на борту прахъ павшаго смертью храбрыхъ адмирала Ванъ-Рюйтера, не только чинить ему свободный пропускъ, но, оказавъ должныя воинскія почести, всячески способствовать безопасному дальнѣйшему его плаванію... Такова Наша воля... Дано въ Версалѣ...“

— Надѣюсь, ваши опасенія теперь разсѣялись, — произнесъ адмиралъ, принимая пергаментъ изъ рукъ заволнованнаго Ванъ-Остаде, — и вы не откажете мнѣ и моимъ офицерамъ въ разрѣшеніи поклониться праху вашего — и моего — адмирала.

Вмѣсто отвѣта капитанъ направился къ двери и откинулъ портьеру. Стукнули о палубу пики часовыхъ.

— Шляпы долой, господа, — произнесъ Дюкэнъ, — и склонимъ колѣна. Праху героя подобаютъ королевскія почести!..

... Опустивъ голову, адмиралъ переживалъ вновь картину далекаго прошлаго. Вечеръ послѣдняго дня четырехдневной схватки... заходящее солнце озаряетъ багровыми отблесками плавающіе въ безпорядкѣ и догорающіе остовы непріятельскихъ кораблей; на эскадрѣ идетъ лихорадочная работа по починкѣ такелажа и задѣлкѣ пробоинъ передъ надвигающимся штормомъ. Молодой офицеръ, забывшій о своей роли наблюдателя и увлекшійся боемъ, дрался наравнѣ со всѣми и ждетъ теперь представленія адмиралу-побѣдителю. Воображеніе рисуетъ ему гордаго триумфатора, въ блестящемъ мундирѣ, осыпаннаго орденами, окруженнаго блестящей свитой...

— Войдите, — раздался ровный, спокойный голосъ въ отвѣтъ на его стукъ въ дверь. Маленькая каюта, лишенная не только всякой роскоши, но и простого комфорта. За простымъ дубовымъ столомъ — человекъ въ темномъ кафтанѣ безъ шитья и отличій, съ усталыми чертами лица, но живымъ и властнымъ взглядомъ, кормящій крошками корабельнаго сухаря выводокъ карабкающихся на его тяжелые ботфорты пушистыхъ желтыхъ цыплятъ.

Адмиралъ задержался на порогѣ... Окинувъ еще разъ взглядомъ тускло поблескивавшую при свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчей урну, онъ произноситъ

задумчиво: „Вотъ все, что осталось отъ великаго человѣка“... и молча, пожавъ руку капитану, проходитъ со свитой по палубѣ... Шлюпка отваливается...

— По мѣстамъ стоять, сниматься съ дрейфа! — командуетъ Мертенсъ, уловивъ знакъ капитана. Корабль накренивается, медленно забирая ходъ...

Ближе и ближе неподвижная линия французскихъ судовъ...

Ванъ-Остаде, занявшій вновь свое мѣсто на мостикѣ, изучаетъ опытнымъ взглядомъ знатока постройку и безукоризненное состояніе непріятельскихъ судовъ, отъ времени до времени одобрительно показывая головой.

Но вдругъ... глаза его расширяются, рука судорожно ищетъ рупоръ, губы раскрываются...

Изъ лѣваго носового порта адмиральскаго корабля вылетѣлъ густой клубъ бѣлаго дыма, сверкнулъ длинный языкъ желтаго пламени.

— Предательство?! — пронизываетъ мозгъ капитана ужасная мысль и, схвативъ рупоръ, онъ готовъ завопить со всей силой отчаянія: — „Правый бортъ — огонь! Огонь, во имя всѣхъ дьяволовъ“!..

Но — слова не срываются съ раскрытыхъ губъ, упавшій рупоръ со звономъ откатывается къ краю мостика...

Паруса французовъ исчезли, какъ по взмаху волшебной палочки, реи медленно перекрещиваются, изъ всѣхъ портовъ боевой линіи вылетаютъ бѣлые клубы дыма, сверкаютъ длинные языки огня и мѣрно, соблюдая уставные промежутки, гулко прокатываются въ вечерней тиши выстрѣлы похороннаго салюта.

Капитанъ Ванъ-Остаде, снявъ широкимъ жестомъ свою шляпу, отвѣшиваетъ глубокой, почтительный поклонъ по направленію группы офицеровъ на полукожъ адмиральскаго корабля французовъ...

.

Вечерній бризъ засвѣжѣлъ. Подъ форштевнемъ громче зажурчалъ бурунъ. Быстро спускались южныя сумерки. Здѣсь и тамъ вспыхивали первыя звѣзды...

А капитанъ Ванъ-Остаде все еще стоялъ со шляпой въ опущенной рукѣ, не отрывая взгляда отъ далекаго восточнаго горизонта, гдѣ въ лиловатой дымкѣ исчезали, вновь превратившись въ стаю чаекъ, неприятельскіе паруса...

ЗА ДРУГИ СВОЯ.

Новый, болѣе сильный порывъ вѣтра заставилъ стараго Дарлинга прервать чтеніе. Опустивъ на колѣни тяжелую старую Библию въ потертомъ кожаномъ переплетѣ, онъ задумался.

Вотъ такъ, именно такъ выль вѣтеръ въ ту ночь, когда ихъ славный „Black Prince“ разбился на скалахъ мыса Лизарда.

Именно такъ, — то глухо ревя, какъ разъяренный звѣрь, то повышая тонъ до пронзительнаго свиста. Такъ же неслись громадные, черные валы со свѣтившимися какимъ то сверхъестественнымъ блѣднымъ сіяніемъ гребнями.

Отчетливо встала въ памяти эта непроглядная, безконечная ночь, пронизывающій вѣтеръ, жестокая, ноющая боль въ сломанной упавшимъ обломкомъ реи ногъ и мучительное ожиданіе неизбежнаго конца.

Нить воспоминаній обрывается. Снова видитъ онъ себя, — одного изъ девяти какимъ то чудомъ спасенныхъ черезъ трое сутокъ изъ всего экипажа, — на жесткой койкѣ военнаго госпиталя. Безконечныя недѣли. Наконецъ, двери госпиталя раскрылись передъ нимъ и выпустили его на свободу — съ неудачно сросшейся ногой, негоднаго къ службѣ.

Потянулись тяжелые, горькіе дни. Неудачи, разочарованія, униженія — и грозящая нищета.

И вдругъ, когда онъ уже былъ готовъ отказаться отъ непосильной борьбы, когда все чаще въ туманные вечера на набережной Темзы какая то сила тянула къ темной, холодной волнѣ, — неожиданная встрѣча со старымъ командиромъ, промѣнявшимъ мостикъ на кресло Палаты Лордовъ. Призраки нищеты и отчаянія исчезли. Спокойная, легкая работа, обеспеченное существованіе въ богатомъ помѣстьи.

Не хватало лишь одного — моря! И эту тоску не могло совершенно заглушить и новое, еще болѣе неожиданное счастье.

Сперва случайныя и рѣдкія встрѣчи съ „ней“, отвѣтившей на неловкое и робкое ухаживаніе калѣнки искренней молодой любовью... Какъ сейчасъ видитъ онъ день, когда по протекціи лорда ему предложили мѣсто смотрителя на этомъ Богомъ и людьми забытомъ маякѣ... Какъ сейчасъ помнитъ и радость и страхъ при мысли о томъ, согласится ли она похоронить свою молодость въ каменной клѣткѣ среди вѣчно неспокойнаго, гровнаго океана... И какъ просто разсѣялись эти опасенія, когда она доврѣчиво вложила свои тонкіе пальцы въ его дрожащую руку, готовая послѣдовать за нимъ повсюду...

Старикъ провелъ рукой по глазамъ. Это было давно... Давно уже она покоится на скромномъ кладбищѣ сосѣдней деревушки и все, что ему осталось отъ прошлаго — живая память покойной — ея дочь!

Взглядъ старика впился въ черты сидѣвшей по другую сторону престога стола дѣвушки... Да, эти тяжелыя черныя косы, тонкій профиль, нѣжная окраска лица — наслѣдіе кельтской крови матери, — черта въ черту воспроизводили любимый, незабвенный образъ...

Старикъ вздохнулъ. Такимъ тихимъ покоемъ вѣяло и отъ сосредоточеннаго надъ работой лица

дѣвушки, и отъ всей крошечной комнатки съ ея невѣроятной обстановкой. Это чувство покоя ощущалось еще сильнѣй по контрасту съ доносившимися сквозь толстыя стѣны маяка грохотомъ прибора и воемъ вѣтра. Казалось, что стихіи, послѣ ряда безплодныхъ попытокъ, еще разъ соединили всѣ свои силы, чтобы смести это жалкое человѣческое сооруженіе, дерзко поставленное среди ихъ безспорныхъ владѣній.

Дѣвушка вдругъ вадрогнула, уронивъ шитье... Поднявшись со стула, она напряженно вслушивалась въ вой вѣтра.

— Что такое, Гресь? — спросилъ старикъ.

— Ты не слышишь, отецъ?.. Вотъ... вотъ опять!

Старикъ напрягъ слухъ, но, не разслушавъ ничего, кромѣ завываній бури и глухихъ ударовъ волнъ, отрицательно мотнулъ головой.

— Да, вотъ же... Слушай!.. опять!..

На этотъ разъ, въ промежуткѣ между двумя порывами урагана, и старику почудился какъ бы отдаленный крикъ.

— Это чайки...

— Нѣтъ, нѣтъ! — И дѣвушка порывисто распахнула крошечное окошко, пробитое въ толстой стѣнѣ маяка. Ворвавшійся вѣтеръ унесъ занавѣску. Пламя маленькой лампы взвилось длиннымъ краснымъ языкомъ.

— Господи, Боже мой!.. Смотри... на скалахъ „Дьяволовой изгороди“!..

Старикъ уже прилаживалъ свою длинную и тяжелую подзорную трубу, стараясь разглядѣть то, что уже открыло острое зрѣніе дочери.

Рука его дрогнула... въ полѣ зрѣнія трубы, — несмотря на быстро сгущавшіеся сумерки бурнаго осенняго дня, — отчетливо обрисовался рядъ пѣнящихся буруновъ на грядѣ полунадводныхъ скалъ,

извѣстныхъ среди мѣстныхъ рыбаковъ подъ названіемъ „Дьяволовою изгороди“. Въ самомъ центрѣ этого кипящаго котла, выбрасывавшаго при каждомъ ударѣ волны фонтаны бѣлой пѣны, виднѣлся черный предметъ... сломанная мачта съ остатками марса, и на ней... три, четыре, шесть... девять... одиннадцать движущихся точекъ...

Старый Дарлингъ опустилъ трубу.

— Господи, упокой души рабовъ Твоихъ, — прошепталъ онъ глухимъ голосомъ, скрещивая пальцы мозолистыхъ рукъ.

Дѣвушка порывисто обернулась.

— Они еще живы, отецъ!

Старикъ грустно покачалъ головой.

— Мачта не можетъ долго выдержать бѣшеной силы волнъ... а помощи ждать неоткуда...

— А мы?!

Отецъ удивленно поднялъ сѣдые брови.

— Мы? Что же мы можемъ сдѣлать? Калѣвка и ребенокъ!.. Тяжело, Грѣсъ, сознавать свое безсиліе, но мы можемъ лишь молиться за спасеніе ихъ душъ...

— Молиться? Только молиться, когда люди, живые люди, борются со смертью?! Сидѣть спокойно, не попытаться даже протянуть имъ руку?! У насъ есть шлюпка... Я сильна... умѣю грестъ не хуже любого матроса!..

— Это безуміе, Грѣсъ! — испуганно прервалъ отецъ горячую рѣчь дочери... — Мы погибнемъ, не спася ихъ!..

Дѣвушка выпрямилась, глаза ея сверкнули вдохновеннымъ огнемъ.

— Ты вѣруешь, отецъ? — она протянула руку къ раскрытой на столѣ Библии. — Развѣ не сказано: „Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя“?! А развѣ ты не рассказывалъ мнѣ, какъ твой кумиръ — великій Нельсонъ, —

идя въ свой послѣдній бой, не говорилъ вамъ только о долгѣ передъ Родиной, не думая о себѣ?! Нашъ долгъ тамъ!..

Старикъ опустилъ голову.

Вспомнилось, какъ молніей пробѣжали по палубамъ слова знаменитаго сигнала... какъ это сознаніе долга смело и страхъ и тревогу, какъ всѣ — и старые матросы, и онъ — двѣнадцатилѣтній мальчишка-юнга, — спокойно, какъ на учении, работали подъ градомъ продольныхъ залповъ, пронизывавшихъ палубы, косившихъ товарищей...

Хлопнувшая дверь заставила его вздрогнуть... Грѣсъ исчезла!..

Охваченный безумнымъ страхомъ, старикъ заковылялъ, насколько быстро позволяла больная нога, по крутой лѣстницѣ. Дверь на крохотный дворикъ была открыта.

Темнѣло. Тускло поблескивали на каменныхъ плитахъ большія лужи воды. Гудѣлъ и завывалъ вѣтеръ. За каменной стѣнкой выросли какіе то гигантскіе бѣлые призраки, и клочья пѣны, срываеваемой ураганомъ, съ шипѣніемъ и свистомъ проносились въ воздухѣ. Тяжелая рыбацкая шлюпка поднималась и опускалась у выбитыхъ въ скалѣ ступеней на заходившей въ бухточку волнѣ. Стоя на колѣняхъ, на мокрыхъ камняхъ, Грѣсъ лихорадочно распутывала затянувшійся, намокшій фалинь...

Съ силой отчаянія старикъ поднималъ ее, стараясь оттащить отъ шлюпки. Дѣвушка упиралась, вырывалась. Завязалась молчаливая борьба.

Шагъ за шагомъ они приближались къ двери. Старикъ смутно чувствовалъ, что только за ней онъ спасетъ дочь — и себя — отъ внутренняго голоса, повелительно звавшаго туда — на безумное единоборство со смертью...

Сопротивленіе дѣвушки слабѣло. Глухое, судорожное рыданіе вырвалось изъ ея груди.

Уцѣпившись за косякъ двери, она бросила отцу свой послѣдній, высшій аргументъ:

— Никогда, никогда больше я не смогу пойти на могилу мамы!.. Посмѣешь ли ты... послѣ этого?!

Руки старика разжались. Безконечная минута молчанія, прерываемаго лишь прерывистымъ дыханіемъ двухъ человѣческихъ существъ и грознымъ, и какъ бы торжествующимъ побѣду, голосомъ бури.

Молящія, влажные глаза дочери впились въ суровыя, искаженныя внутренней борьбой черты отца.

И вдругъ радостный крикъ:

— Отецъ!

Молча сжавъ ее въ своихъ объятіяхъ, старый Дарлингъ выпрямился и твердыми шагами направился къ шлюпкѣ. Дѣвушка лихорадочно разбирала весла.

— Съ Богомъ, Грэсъ!..

Шлюпка, увлекаемая отхлынувшей изъ бухточки волной, скользила куда то внизъ, къ выходу. Промелькнулъ конецъ стѣнки, послѣдніе блестящія, мокрые камни мыска.

Заслоня узкую полоску багроваго заката подъ тяжелыми свинцовыми тучами, растетъ и надвигается громадный черно-зеленый валъ. Полоса клокочущей бѣлой пѣны. Все ближе, все выше нависаетъ мрачная, холодная масса. Желѣзной хваткой замерла рука старика на румпелѣ. Сѣрые глаза зорко слѣдятъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей...

Головокружительный взлетъ. Шипѣніе пѣны. Дождь холодныхъ, колющихъ брызгъ.

Въ глазахъ старика промелькнула довольная улыбка. Не забылъ старый Дарлингъ, старшина командирскаго вельбота, своего ремесла!..

Но брови снова озабоченно нахмуриваются. Съ гребня волны открывается на мгновеніе безконечная

даль разбушевавшегося океана. Насколько хватается глазъ, катятся темные валы, еще болѣе грозные и жуткіе въ послѣднихъ лучахъ умирающаго дня. Съ визгомъ и плачемъ налетѣлъ новый шквалъ, срывая пѣну. Штормъ усиливается, какъ бы отвѣчая на этотъ дерзкій вызовъ человѣка могучимъ силамъ природы. Въ душу невольно начинается прокрадываться чувство безсилія и смертельной тоски...

Старикъ встряхнулся. Крѣпче сжали пальцы румпель. Второй валъ, третій. Повинуясь опытной рукѣ, шлюпка взлетаетъ на проносящіяся подъ ней съ шипѣніемъ гребни.

Медленно текутъ минуты.

Время отъ времени старикъ бросаетъ украдкой тревожный взглядъ въ сторону склонившейся надъ веслами дочери.

Дѣвушка гребетъ ровно и спокойно. Распустившіяся косы треплются по вѣтру, щеки раскраснѣлись, но молодая грудь дышетъ ровно и мѣрно, обнаженные руки сильно и увѣренно проводятъ весла по пѣнящейся водѣ.

— Близко уже, Грась! — подбадриваетъ отецъ, а самъ озабоченно оцѣниваетъ привычнымъ глазомъ отдѣляющее ихъ отъ рифовъ разстояніе.

— Какъ они? — тревожно бросаетъ дочь.

— Держатся... увидѣли!

И какъ бы въ подтвержденіе его словъ, отчетливо доносится нестройный крикъ голосовъ, пытающихся перекричать бурю.

Темнѣе и темнѣе осенній вечеръ. Страшнѣе, фантастичнѣе несущіяся черные валы. Глаза старика впиваются въ кипящія теперь уже близко буруны, равыскивая знакомый проходъ.

— Нажми, не сдавай, Грась! Еще двѣ минуты!

Шлюпка, подхваченная волной, несется на буруны, вырастающие уже вплотную и похожие в темнотѣ на хороводъ гигантскихъ призраковъ, пляшущихъ какую то дьявольскую сарабанду подъ аккомпаниментъ скрежета и воплей всѣхъ грѣшниковъ ада.

Грохоть, свистъ, вой... бѣснующіеся бѣлые призраки... впивающіеся въ лицо холодные, острые брызги.

Мгновеніе — и шлюпка качается на сравнительно спокойной, тяжело вздымающейся и опускающейся волнѣ за грядой, изъ которой среди дикой свистопляски призраковъ высится качающійся обломокъ мачты съ судорожно цѣпляющимися людьми...

Старикъ пересѣлъ на весла и осторожно подводитъ шлюпку.

— Конецъ, Грѣсъ!

Дѣвушка, стоя въ носу шлюпки, раскачиваетъ собранную въ рукѣ бухту линя.

Ея стройная фигура вырисовывается въ лучѣ далекаго маяка, взлетающая водяная пыль окружаетъ ея лицо слабымъ свѣтящимся ореоломъ.

— *Stella maris*... — шепчетъ посинѣвшими губами юнга - итальянецъ, вспоминая слышанную въ родномъ Сорренто легенду о Владычицѣ Небесъ, являющейся морякамъ въ горькій часъ предсмертной тоски.

На третій разъ бросаемый конецъ достигаетъ цѣли. И первый изъ окоченѣвшихъ людей, крѣпко завязавъ конецъ вокругъ пояса, бросается въ темную волну. Подхваченный сильными руками дѣвушки, съ трудомъ вабирается на бортъ и падаетъ безъ сознанія на дно шлюпки. Второй... третій...

Но шлюпка не можетъ поднять всѣхъ.

— Держитесь!.. Мы вернемся!.. — кричитъ старикъ, пересиливая вой вѣтра.

И они вѣрятъ! Чудо неожиданной, невозможной помощи въ послѣдній, страшный часъ, вливаетъ новыя силы въ души отчаявшихся людей. Коченѣющіе, окровавленные пальцы судорожно впиваются въ обломки. Продержаться во что бы то ни стало! Они вѣрятъ, что это свѣтлое видѣніе не можетъ обмануть!

И оно не обмануло...

Три раза, преодолевая все растущую усталость, зная на опытъ всю трудность и опасность предпріятія, полу-ребенокъ и калѣка бросаютъ все снова вововъ стихіямъ, три раза они возобновляютъ эту безумную, сверхчеловѣческую борьбу съ ураганомъ!..

И одиннадцать человѣческихъ жизней вырваны изъ готової поглотить ихъ темной, холодной могилы.

Послѣдній изъ спасенныхъ обогрѣтый, успокоенный, заснулъ глубокимъ сномъ на разостланномъ у пылающаго очага старомъ парусѣ. И только тогда Гресь, счастливо улыбнувшись отцу, вдругъ покачнулася и упала на руки еле успѣвшаго подхватить ее старика.

Въ эту ночь старый Дарлингъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ, сидя у постели мечущейся въ тяжеломъ горячечномъ бреду дочери...

II.

Толпа росла у рѣшетки Букингемскаго дворца. Весь Лондонъ на ногахъ. Гудѣло человѣческое море. Протискиваясь сквозь толпу, мальчишки пронзительно выкрикивали экстренные выпуски большихъ газетъ. Два взвода Horse Guards съ трудомъ сдерживали толпу, охраняя свободный проѣздъ въ ворота, куда, одна за другой, вкатывались кареты. Завсегдатаи всякихъ публичныхъ торжествъ называли глазѣющимъ согражданамъ проѣзжавшихъ особъ съ такимъ небрежнымъ видомъ, будто они ежедневно встрѣчались въ

„Золотомъ Якорѣ“ или „Бѣломъ Оленѣ“ съ адмираломъ сэромъ Нэпиромъ, или запросто играли по субботамъ въ бриджъ съ герцогиней Дорсетшайрской. Скромно и незамѣтно дѣлали свое маленькое дѣло лондонскіе карманщики.

— Ъдутъ, ъдуты! — пронеслось по толпѣ. Показалась запряженная четверкой придворная карета, окруженная блестящими конно-гвардейцами въ сверкающихъ кирасахъ, на рослыхъ, кровныхъ коняхъ.

— Ура, ура!.. Тройное ура Грэсъ Дарлингъ! — ревъла толпа, встрѣчая и провожая карету. Мелькали въ воздухѣ неистово размахиваемые цилиндры, шляпы, засаленныя фуражки. Полетѣли букеты цвѣтовъ.

— А-а-а-а... — еще стояло стономъ въ воздухѣ, потрясая стекла дворца, когда карета уже скрылась за воротами.

Въ тронной залѣ дворца — обычная блестящая толпа большихъ приемовъ. По незыблемому церемониалу тянутся по обѣ стороны отъ ступенекъ трона ряды высшихъ сановниковъ и представителей родовой знати старой Англии. Яркіе-красные мундиры военныхъ, темно-синіе сюртуки моряковъ, отороченныя горностаемъ пурпуровыя мантии государственныхъ чиновъ въ торжественныхъ волнистыхъ парикахъ, черныя шапочки декановъ и ректоровъ, нарядныя туалеты дамъ. Блескъ шитья, орденовъ, безцѣнныхъ бриліантовыхъ діадемъ.

По знаку церемоніймейстера широко распахнулись двери. Отчетливѣе донесся гулъ толпы съ площади. Въ вестибюль послышалась отрывистая команда. Сухо звякнули взятыя на-карауль ружья рослыхъ шотландцевъ, сверкнули тяжелые палаши блестящей шеренги Life-Guards.

Предшествуемые церемоніймейстеромъ, показались — не царственная чета, не расшитый золотомъ иностранный посоль, — а скромно одѣтая дѣвушка,

заботливо поддерживавшая подъ руку прихрамывающего старика въ простомъ суконномъ кителѣ съ потертой ленточкой въ петлицѣ.

На этой головкѣ, украшенной лишь двумя роскошными черными косами, не сверкала королевская корона — и все же передъ ней низко склонялись съдыя головы испытанныхъ въ бояхъ вождей и важныхъ сановниковъ, присѣдали въ глубокомъ придворномъ реверансѣ первыя красавицы Соединеннаго Королевства.

Старый архіепископъ Кентерберійскій медленнымъ, торжественнымъ жестомъ благословилъ склонившуюся головку. Обычная ироническая усмѣшка на некрасивомъ, умномъ лицѣ лорда Биконсфильда, всесильнаго вершителя англійской міровой политики, уступила мѣсто задумчиво-внимательному выраженію.

— Нашъ „poeta laureatus“ обдумываетъ новый сонетъ въ честь героини дня? — шепнула очаровательная лэди Уиндермеръ своему сосѣду, задумчивому молодому человѣку.

— Чтобы воспѣвать ангеловъ, надо быть Мильтономъ, а не бѣднымъ, маленькимъ риѐмоплетомъ, милэди! — горячо и искренно отозвался баловень дамъ и двора — Альфредъ Теннисонъ.

Дѣвушка и старикъ остановились у подножія трона.

И произошло нѣчто неслыханное въ анналахъ англійскаго двора. Нарушая вѣками выработанный, незыблемый этикетъ, королева — не та дородная старушка, какою мы ее знали по изображеніямъ въ журналахъ, а молодая, красивая женщина, — поднялась съ трона, спустилась по ступенькамъ и горячо обняла и поцѣловала зардѣвшуюся отъ счастья и смущенія дѣвушку!..

Королевская чета давно уже покинула тронную залу, но толпа придворныхъ, окружившая тѣснымъ

кольцомъ дѣвушку, имя которой было на устахъ всей Англїи, не расходилась. Отвѣчая на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ вопросы, пожимая десятки тянущихся къ ней рукъ, Грэсъ отъ времени до времени оглядывалась на отца, сіяющаго отъ счастья и гордости и въ десятый разъ рассказывающаго группѣ адмираловъ и капитановъ о подвигѣ своей „дѣвочки“.

Самыя лестныя приглашенія, самыя заманчивыя предложенія, просьбы художниковъ позировать для портрета, — ничто не могло заставить Грэсъ согласиться продолжить свое пребываніе въ столицѣ. Ее тянуло домой, къ грозному, но и безконечно родному и любимому морю. На слѣдующее утро старый почтовый дилижансъ уносилъ ихъ съ отцомъ на сѣверъ. Позади скрывался за завѣсой дыма и тумана Лондонъ.

И уже казались фантастическимъ сномъ прожитыя въ немъ минуты.

.

Черезъ полгода Грэсъ не стало... Унесенная схваченной въ ночь своего подвига болѣзнью, она „положила душу свою за други своя“...

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ КАЗУСЪ.

Обѣдъ подходилъ къ концу. На бѣлой скатерти большого стола горѣли самоцвѣтными камнями рюмки съ ликерами. Голубыя струйки дыма медленно расплывались въ тихомъ лѣтнемъ воздухѣ, сливая запахъ сигаръ съ ароматомъ дымящагося черного кофе...

Бесѣда то замирала, то вновь оживленно вспыхивала.

— Да, господа, — произнесъ послѣ паузы одинъ изъ обѣдавшихъ, обращаясь къ группѣ молодыхъ мичмановъ, — не будь моего возраста да банковскихъ дѣлъ, требующихъ постоянного присутствія, я сегодня же подаль бы прошеніе о зачисленіи меня волонтеромъ на вашъ красавецъ „Баянъ“!

Говорившій умолкъ, окидывая взглядомъ зеркальную поверхность залива, открывавшуюся съ террасы Яхтъ-Клуба и переливавшую нѣжными перламутровыми тонами петербургскаго лѣтняго вечера.

— Мы были бы счастливы имѣть такого милаго соплавателя, какъ вы, Фридрихъ Карловичъ, — отозвался солидный лейтенантъ „на окладѣ“.

— Мы васъ не забудемъ, мы будемъ посылать вамъ открытки съ Мадеры, изъ Бразиліи, съ Огненной Земли... — перебилъ одинъ изъ мичмановъ.

— На Огненной Землѣ, пожалуй, нѣтъ открытокъ, — вставилъ съ легкой ноткой ироніи въ голосъ докторъ.

— Ну, вы, эскулапъ, вѣчно портите своимъ скептицизмомъ всякое настроеніе. Не безпокойтесь, Фридрихъ Карловичъ! И открытки будутъ, и всѣхъ папуасовъ запишемъ въ кліенты вашего банка! — не унимался мичманъ, протягивая свою рюмку.

Докторъ заикнулся было о томъ, что на Огненной Землѣ нѣтъ папуасовъ, но конецъ его фразы потонулъ въ дружномъ звѣриномъ ревѣ мичмановъ...

Банкиръ, пожилой уже человѣкъ, любившій общество этой жизнерадостной, безпечной молодежи, чокнулся съ говорившимъ и, улыбаясь умными сѣрыми глазами, отвѣтилъ:

— Сердечное спасибо, Александръ Михайловичъ, за ваше усердіе о процвѣтаніи моего дѣла и рекламу среди дикарей Огненной Земли!

— Ура! Идея! — закричалъ другой юнецъ. — Фридрихъ Карловичъ, идея! Дайте намъ пачку вашихъ синихъ дощечекъ... Банкирскій Домъ Фридрихъ Боркъ, Невскій 46 А, — продекламировалъ онъ торжественнымъ тономъ, — а мы ихъ развѣсимъ на самыхъ высокихъ пальмахъ всего земного шара!

— Молодецъ, Петька! Ура! Ура! — поддержала остальная стая. — Займемся всѣ рекламой! За здоровье дорогого Фридриха Карловича! Уррра-а-а!..

— Что же, господа, — улыбнулся Боркъ, — я не отказываюсь. Завтра я собирался отправить вамъ на корветъ ящикъ нашей общей симпатіи — *Veuve Cliquot*, чтобы вы вспоминали изрѣдка подъ всякими тропиками и экваторами своего стараго друга... прикажу сунуть туда и десятокъ синихъ дощечекъ.

— Конечно... правильно... ура!.. — загалдѣли молодые голоса.

— Господа, однако, если мы не хотимъ пропустить послѣдняго парохода, пора и честь знать, — проговорилъ лейтенантъ, взглянувъ на часы.

— Если „король“ приказываетъ, дѣлать нечего, ребята, — съ комичной торжественностью отозвался старшій изъ мичмановъ, коренастый, широкоплечій юноша съ энергичными, слегка монгольскими чертами. — Зулусы, въ походъ!

И шумная ватага „зулусовъ“, какъ они сами по какой то невѣдомой ассоціаціи идей окрестили себя, поднялась съ мѣста, окружая своего „короля“ — лейтенанта, на котораго командиромъ корвета была возложена неблагодарная задача „завѣдыванія“ этимъ безпокойнымъ племенемъ.

II.

Донъ Хозе де Соза Мараньонъ-и-Алведра изнывалъ. Шутка ли, съ достоинствомъ нести почетныя, но отвѣтственныя обязанности королевскаго португальскаго генераль-губернатора Азорскихъ острововъ — при 40° въ тѣни!

Разстегнувъ бѣлый лѣтній мундиръ, Его Превосходительство полу-лежалъ въ плетеномъ лонг-шезѣ, изрѣдка лѣниво протягивая руку къ стакану съ лимонадомъ, или отирая капли пота со своего лысаго черепа.

— Что еще?! — простоналъ онъ, услыша стукъ въ дверь. — Войдите!

Въ пріоткрытую дверь показались громадныя нафабреныя усы, сопровождаемые ихъ владѣльцемъ — полковникомъ Санчецомъ, начальникомъ мѣстной жандармеріи и грозой базарныхъ торговыхъ.

— Что васъ принесло, Санчець? — спросилъ Донъ Хозе страдающимъ тономъ. — Перепились грузчики въ порту? Подрались базарныя торговки? Какаянибудь ревнивая „нинья“ всадила ножъ въ бокъ своего вѣтренаго поклонника?.. Въ кутузку, къ клопамъ... и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ! Только оставьте меня въ покоѣ!..

Полковникъ, не отвѣчая, выглянулъ въ коридоръ, тщательно заперъ дверь и безшумными шагами пошелъ къ губернаторскому креслу.

— Изъ за подобныхъ пустяковъ я не осмѣлился бы нарушить покой Вашего Превосходительства. Дѣло гораздо серьезнѣе, Эччеленца... — голосъ полковника перешелъ въ трагическій шепотъ, — дѣло характера по-ли-ти-ческаго!

— Заговоръ? — подскочилъ поблѣднѣвшій губернаторъ. — Кто? Гдѣ? Вы ихъ арестовали?

— Нѣтъ, Эччеленца, я не могъ арестовать. Разрѣшите доложить по порядку. Сержантъ Карло Лопецъ, одинъ изъ моихъ лучшихъ людей, тотъ самый, что остановилъ лошадь Вашего Превосходительства, когда она понесла на парадѣ...

— Знаю, знаю, — нетерпѣливо отмахнулся Донъ Хозе, — къ дѣлу!

— Такъ вотъ, сержантъ Карло Лопецъ явился ко мнѣ сегодня утромъ и доложилъ, что, находясь по службѣ въ порту, видѣлъ, какъ группа офицеровъ съ русскаго корабля, въ штатскомъ платьѣ, высадилась на берегъ. Не видя ничего особеннаго въ этомъ ежедневномъ сѣздѣ, сержантъ, козырнувъ, хотѣлъ было вернуться къ своимъ прямымъ обязанностямъ, когда съ изумленіемъ замѣтилъ, что офицеры, свернувъ съ главной улицы, направились по дорогѣ, не ведущей ни къ бодегѣ старика Антоніо, ни къ клубу дона Эстебана, ни, наконецъ, на „виллу Розъ“ сеньоры Морено... что, конечно, было бы вполне простительно для молодежи, лишенной долгіе мѣсяцы очаровательнаго общества...

— Къ дѣлу, Санчець, къ дѣлу! — простоналъ Донъ Хозе.

— Сейчасъ, Эччеленца! Такъ вотъ... видя это необычное направленіе, Лопецъ сказалъ себѣ: „Эге!

Это не спроста!“ и незамѣтно послѣдовалъ за иностранцами. Послѣ долгаго подъема въ гору группа остановилась на утесѣ, гдѣ растетъ одинокая высокая пальма. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ принесеннаго мѣшка металлическую доску съ какой то надписью, молотокъ и гвозди и прибилъ доску къ стволу пальмы. Затѣмъ другой, повидимому, начальникъ экспедиціи — сказалъ рѣчь, покрытую громкими криками „ура“ (что у русскихъ, какъ я слышалъ, равно нашему „Viva“). Всѣ приложили правую руку къ своимъ панамамъ и прошли параднымъ шагомъ передъ начальникомъ... Я лично поднялся на этотъ утесъ и своими глазами видѣлъ доску.

Полковникъ умолкъ, выразительно вращая бѣлками, сверкавшими въ его лицѣ цвѣта нечищеннаго сапога.

— Что же это означаетъ по вашему, Санчець? — спросилъ беззвучнымъ голосомъ губернаторъ.

— Увы, Эччеленца, сомнѣнія быть не можетъ... Это... тайная аннексія Азорскихъ острововъ Россійской Имперіей! Военный церемоніаль... крики „ура“... доска... замѣтите, цвѣтовъ ихъ флага: синій и бѣлый...

— Но что же на ней написано?

— Эччеленца, я не знаю ихъ варварскаго языка — и знать не желаю... — но фактъ остается фактомъ, какія бы слова тамъ ни были написаны!..

Дрожащей рукой губернаторъ нажалъ звонокъ. Въ кабинетъ безшумно вошелъ длинный, худой человѣкъ — живая копія дона Базиліо изъ „Севильскаго Цирульника“ — въ потертомъ штатскомъ сюртукѣ.

— Приготовьтесь писать, Мартинець. А вы, Санчець, отправляйтесь на телеграфъ. Ни одной депеши — никуда, кромѣ тѣхъ, что лично принесетъ донъ Мартинець. Пусть вывѣсятъ какое угодно объясненіе... ну, хотя бы... что акулы перегрызли кабель!..

Полковникъ, щелкнувъ каблуками, ринулся къ двери.

— Пойдите! Загляните сейчасъ же... вполнѣ неофициально... къ сеньорѣ Морено... чтобы она постаралась черезъ своихъ... гм... ну, вы понимаете... того... освѣтить положеніе... Ступайте!.. Мартинецъ, пишите: „Предсѣдателю Кабинета Министровъ... въ собственныя руки... срочно, совершенно секретно“...

III.

— Чему обязанъ неожиданнымъ удовольствіемъ видѣть Ваше Высокопревосходительство? Присаживайтесь. Не откажетесь отъ рюмки доброй старой мадеры? — хлопоталъ Управляющій Морскимъ Министерствомъ, усаживая въ глубокое кожаное кресло рядомъ съ огромнымъ письменнымъ столомъ своего коллегу — Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Адмиралъ внезапно оборвалъ свою рѣчь, взглянувъ внимательно на лицо гостя, повернутое теперь къ свѣту яснаго зимняго дня, глядѣвшаго въ широкія окна кабинета. Между сѣдыми бровями министра легла глубокая складка, въ глазахъ читалась тревога...

— Въ чемъ дѣло? — встревожился адмиралъ. — Неприятность какая нибудь?

— Крупная неприятность, дорогой, и по вашему вѣдомству...

— По моему?!!

— Да. Я не хотѣлъ тревожить Его Величество, не поговоривъ предварительно съ вами, хотя и обязанъ о всякомъ выступленіи иностраннаго посла докладывать немедленно. У меня совершенно неожиданно появился, часъ тому назадъ, сэръ Малкольмъ — англійскій посланникъ. Не извинившись за свой неурочный визитъ, онъ ввалился ко мнѣ — *vrayment je ne trouve pas d'autre expression!* — красный, какъ ракъ, и

взволнованный, какъ можетъ быть взволнованнымъ автоматъ для передачи дипломатическихъ нотъ.

— Изъ его рѣчи я понемногу понялъ, что дѣло идетъ о русскомъ военномъ кораблѣ, стоящемъ сейчасъ на Азорскихъ островахъ...

— На Азорскихъ? Это можетъ быть только „Баянъ“, — вставилъ адмираль.

— Онъ не зналъ названія корабля, но утверждаетъ, что имъ совершено какое то вопіющее посягательство на суверенныя права Португаліи, чреватое самыми серьезными международными осложнениями, такъ какъ Португалія издавна пользуется особой поддержкой и покровительствомъ Англии; что англійскій флотъ не можетъ допустить... и, наконецъ, что Королевское Великобританское Правительство желало бы имѣть въ трехдневный срокъ подробныя... Тутъ я его перебилъ, спросивъ довольно рѣзко, слѣдуетъ ли его слова принимать за ультиматумъ, и заявилъ, что въ такомъ случаѣ я прошу его вручить мнѣ официальную ноту Foreign Office. Сэръ Малкольмъ очевидно спохватился, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ сильно сбавилъ тонъ, сталъ почти что любезнымъ и завѣрилъ меня, что онъ дѣйствуетъ совершенно конфиденціально, желая въ совершенно частной бесѣдѣ выяснитъ вопросъ, почему онъ и попросилъ своего португальскаго коллегу задержать отправленіе официальной ноты. Онъ, однако, не удержался отъ того, чтобы не сказать мнѣ, показывая въ любезной улыбкѣ всѣ свои лошадиные зубы, что онъ не могъ допустить мысли, чтобы командиръ русскаго корабля могъ совершить актъ величайшей дипломатической важности безъ вѣдома лица, управляющаго иностранной политикой государства, и потому...

— Я сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и заявилъ самымъ холоднымъ и спокойнымъ тономъ, что, не принимая никакихъ ограничительныхъ сроковъ, я

его поставлю въ извѣстность по полученіи подробнаго донесенія командира корабля. Сэръ Малкольмъ, внѣш-не удовлетворенный, откланялся, а я остался въ глу-пѣйшемъ положеніи, какое пришлось пережить за всю свою карьеру... Въ чемъ дѣло?! На васъ вся надежда! — Министръ нервно потушилъ полувыкурен-ную папиросу и вопросительно уставился на адмирала.

— Рѣшительно ничего не понимаю, — развелъ этотъ руками.

— Вотъ копія донесенія губернатора Азорскихъ острововъ, оставленная мнѣ Малкольмомъ „à titre de renseignement“. Но долженъ сознаться, что для меня оно такъ же непонятно, какъ и рѣчи посланника.

Утвердивъ свое пенснэ, адмираль углубился въ чтеніе бумаги, отъ времени до времени поднимая плечи и прерывая чтеніе отрывистыми восклицаніями: ...„военный парадъ въ штатскомъ платьѣ?! Чужь!.. Ерунда!.. Что-о-о?! Прокламація объ аннексіи острововъ?!.“

— Да что, его солнечный ударъ хватилъ, что ли, этого чортова губернатора?! Владиміръ Петровичъ! — крикнулъ онъ, пріоткрывъ дверь.

На порогъ появился молодой, щеголеватый адъ-ютантъ.

— Получено донесеніе отъ командира „Баяна“?

— Такъ точно, Ваше Высокопревосходительство, изъ Капштадта.

— Давайте!

... „Согласно программы плаванія“ — читалъ ад-мираль — „16-го вышелъ Азорскихъ острововъ Капштадтъ... Южной широтѣ 5°47' встрѣтилъ противный штормъ 10-11 балловъ... Незначительныя по-ломки рангоутъ, разбитъ второй вельботъ. 2 декабря отдалъ якорь Капштадтскомъ рейдѣ. Угля 63 тонны“.

— Ничего! Ни звука! — Адмираль бросилъ scom-канную телеграмму на столъ.

— Владиміръ Петровичъ, сейчасъ же зашифруйте вотъ это и отправьте генеральному консулу въ Капштадтъ... По секретному журналу, чтобы ни одинъ писарь и вообще ни одна живая душа носу не сунула въ это дѣло!

Адъютантъ исчезъ, и, остановившись у перваго окна въ коридорѣ, погрузился въ изученіе адмиральской телеграммы. По мѣрѣ чтенія лицо его все болѣе и болѣе превращалось въ живой вопросительный знакъ...

— Черезъ четыре-шесть дней будетъ донесеніе командира, — говорилъ адмиралъ, провожая своего коллегу. — Я увѣренъ, что все выяснится, лишь бы до этого сэръ Малкольмъ со своей португальской обезьяной не выкинулъ чего нибудь.

— Сэръ Малкольмъ будетъ очень занятъ эту недѣлю, — таинственно улыбнулся министръ, — его агенты доставятъ ему достовѣрныя свѣдѣнія о передвиженіи нашихъ туркестанскихъ частей къ афганской границѣ. Но къ концу недѣли, когда у него начнутъ появляться легкія сомнѣнія, мнѣ необходимо отвѣтить ему.

— До этого времени отвѣтъ будетъ, — успокаивалъ адмиралъ. — Кромѣ официальнаго запроса, я послалъ частную телеграмму... Командиръ „Баяна“ — мой старый соплаватель и сообщитъ лично мнѣ то, чего, быть можетъ, не скажетъ въ официальномъ рапортѣ. Какъ только получу разгадку этой таинственной исторіи, сейчасъ же сообщу...

— Буду ждать съ нетерпѣніемъ ваше сообщеніе, пришлите его въ любой часъ дня или ночи.

— Дай Богъ, чтобы все это кончилось благополучно, — озабоченно шепталъ про себя министръ, усаживаясь въ сани и кутаясь въ широкій бобровый воротникъ своей шубы.

— Ума не приложу, что они могли выкинуть на „Баянъ“?! — бормоталъ адмиралъ, нервно шагая взадъ и впередъ по своему просторному кабинету.

IV.

— Ну, и затянулся же визитъ! О чемъ это они такъ долго толкуютъ съ капитаномъ? — размышлялъ вахтенный офицеръ, мичманъ Германовъ, безшумно циркулируя въ парусиновыхъ туфляхъ вокругъ командирскаго люка, въ надеждѣ уловить что либо изъ разговора командира съ прибывшимъ добрыхъ три четверти часа тому назадъ Россійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Капштадтѣ.

Увы, всѣ попытки оказывались тщетными! Между задернутыми синими занавѣсками онъ изрѣдка улавливалъ то стриженую сѣдьющую голову командира, то блестящую лысину консула, — и это было все! Разговоръ велся какимъ то таинственнымъ шопотомъ.

— Точно заговорщики какіе, — подумалъ разочарованный мичманъ, отходя отъ люка.

Ну и жарища же! Декабрьское солнце палило немилосердно. Гладкое, какъ зеркало, море сверкало нестерпимымъ для глазъ блескомъ. Рейдъ казался заснувшимъ. Взглядъ мичмана остановился на двухъ англійскихъ крейсерахъ, стоявшихъ мористѣе „Баяна“.

— Точно сторожевые псы у воротъ, — подумалъ онъ, — и что это ихъ дернуло три дня тому назадъ отойти отъ стѣнки и стать тамъ, на самомъ солнцепекѣ, какъ будто они хотятъ загородить намъ выходъ?! Да и вообще... что то творится съ англичанами. Отъ завтрака у насъ отказались подъ какимъ то глупѣйшимъ предлогомъ. О балѣ у губернатора что то больше не слышно... Что за чортъ?!

Мичмана снова потянуло къ люку, но внезапно его осѣнила блестящая мысль: за люкомъ висѣлъ — бесполезный въ этомъ неподвижномъ, раскаленномъ воздухѣ — виндъ-зейль. Отверстіе вентилятора приходилось какъ разъ надъ письменнымъ столомъ командира. Въ два шага мичманъ былъ на мѣстѣ. Разсчетъ оправдался...

— Итакъ, рѣшено, — слышался густой басъ командира, — обѣ телеграммы пойдутъ сегодня... одновременно я подробно пишу адмиралу. Дастъ Богъ, все уладится...

— И все эти проклятые мальчишки, — заговорилъ онъ послѣ паузы, — со своей идиотской затѣей заниматься рекламой...

— Эге! — подумалъ мичманъ, — это въ нашъ огородъ! — и насторожилъ еще больше уши.

— И вотъ по ихъ милости мы здѣсь подъ надзоромъ этихъ двухъ сторожевыхъ собачекъ... — продолжалъ бурчать командиръ, — а я то недоумѣвалъ, что за муха ихъ укусила?!

Дальше мичманъ ничего не услышалъ. Звонокъ изъ командирской каюты заставилъ его быстро отпрянуть отъ виндъ-зейля и заняться сосредоточеннымъ разглядываніемъ безукоризненно сложенныхъ вельботныхъ талей...

— Въ чемъ дѣло? — обратился онъ къ слетавшему внизъ вахтенному.

— Такъ что командиръ требуютъ лейтенанта Фанерина, Ваше Высокоблагородіе, и чтобы въ сей секунду, — доложилъ запыхавшійся квартирмейстеръ.

— Не Фанерина, а фонъ-Нюринга, балда ты этакая. Ну, бѣги!

— Въ чемъ дѣло, Освальдъ Петровичъ? — любопытствовалъ съ невиннымъ видомъ мичманъ,

когда на каютъ-компанейскомъ трапѣ показалась плотная фигура лейтенанта, застегивавшаго на ходу китель.

— Да ужъ навѣрное опять какой нибудь номеръ вашей братіи, — буркнулъ лейтенантъ, скрываясь въ командирскомъ люкѣ. Мичманъ беззвучно подошелъ къ виндъ-зейлю.

— Взгляните на это, Освальдъ Петровичъ, — послышался голосъ командира, — и объясните, ради Бога, что такое выкинули опять ваши „зулусы“?!

Мичманъ насторожилъ уши.

Продолжительная пауза, прерываемая лишь шелестомъ переворачиваемой бумаги... затѣмъ подавленный смѣхъ лейтенанта.

— По вашему, это смѣшно? — недовольнымъ тономъ спросилъ командиръ.

И надо же было въ этотъ моментъ подойти очередной шлюпкѣ!

Когда мичманъ почти бѣгомъ вернулся на свой наблюдательный постъ, изъ командирскаго люка раздался дружный взрывъ хохота, затѣмъ голосъ командира:

— Чортъ знаетъ, въ какія исторіи насъ еще впутають эти мальчишки, — гремѣлъ его басъ, — безъ берега всѣхъ до конца плаванія!.. Ну, конечно, вы всегда вступитесь за своихъ подданныхъ, Освальдъ Петровичъ... Ну, такъ и быть, если все это кончится благополучно, безъ берега — до Цейлона!

— До Цейлона? Первый портъ послѣ Капштадта?! Лафа! — заключилъ мичманъ, чуть не подпрыгнувъ, а затѣмъ, замѣтивъ показавшуюся на трапѣ колониальную каску консула, заоралъ во всю силу своихъ молодыхъ легкихъ: — караулъ навѣрхъ, четверо фалрепныхъ на правую!..

Баль въ Зимнемъ Дворцѣ въ полномъ разгарѣ. Въ большой, залитой блескомъ сотенъ свѣчей залѣ кружатся въ томномъ вальсѣ пары.

Въ амбразурѣ высокаго окна Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ оживленной бесѣдѣ съ Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ.

— Съ громаднымъ удовольствіемъ, — смѣется адмираль, — я наблюдалъ сейчасъ за вашимъ разговоромъ съ этимъ португальскимъ дономъ; онъ крутился, какъ бѣсъ передъ заутреней! А какъ нашъ другъ, сэръ Малкольмъ?

Дипломатъ беззвучно равсмѣялся.

— Сэръ Малкольмъ? Онъ избѣгаетъ меня, какъ огня. Для истаго англичанина нѣтъ ничего хуже, какъ оказаться „ridiculous“... а ужъ его положеніе въ этомъ отношеніи не изъ завидныхъ: Comment dit-on cela? Не глядя въ святцы, бухнулъ въ колокола!

— Ну и надѣлали намъ хлопотъ ваши мичмана! Впрочемъ, все хорошо, что хорошо кончается... и я надѣюсь, вы не примѣнили къ нимъ — какъ это говорятъ юристы? — всей строгости закона?

— Нѣтъ, нѣтъ, — улыбнулся адмираль, — я самъ слишкомъ доволенъ исходомъ этой исторіи... Вотъ, кстати, послѣднее письмо командира „Баяна“.

Адмираль развернулъ письмо и, пробѣжавъ его глазами, прочелъ:

... „Послѣдніе дни въ Капштадтѣ были сплошнымъ фестиваломъ. Настроеніе англичанъ столь же быстро измѣнилось въ сторону чрезвычайной любезности, какъ оно до этого стало угрожающимъ. Завтраки, обѣды, приемы... Баль у губернатора затмилъ все. Моей печени будетъ весьма полезенъ трехнедѣльный океанскій режимъ послѣ всѣхъ этихъ виски-эндъ-сода, шампанскаго и прочихъ! Мичмана мои послѣ

бала ходять обалдѣлыми и смотрятъ на мѣръ глазами влюбленныхъ барановъ. Кстати, о нихъ. Если не будетъ на этотъ предметъ особаго Вашего приказанія, то я хотѣлъ бы ограничиться той основательной головомойкой, которую я имъ задалъ. Не виноваты же они въ концѣ концовъ въ глупости какого то чрезъ мѣру ретиваго альгвазила!.. Помните, какъ мы въ свое время на Тринидадѣ...“ Ну, это уже пошли свои семейныя дѣла, какъ говорилъ Городничій въ „Ревизорѣ“, — прервалъ свое чтеніе адмиралъ.

— Богъ съ ними, съ молодежью... подрастетъ — образуется... Были когда то и мы молоды, — съ полусерьезнымъ, полукомическимъ вздохомъ закончилъ онъ, задумчиво глядя на проносившіяся пары...

МАШКА.

Командиръ отодвинулъ прочитанное письмо и задумался, нервно барабая пальцами по полированной поверхности стола.

— Ничего не подѣлаешь, — закончилъ онъ вслухъ. Вошедшій на звонокъ вѣстовой Артемьевъ, красивый поморъ съ серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ, замеръ въ выжидательной позѣ у дверей.

— Попроси старшаго офицера!

— Садитесь, Павелъ Петровичъ. Пренеприятная исторія...

— Уголь не доставятъ къ сроку? Или не закончатъ ремонта вельбота? — забеспокоился „старшой“.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Уголь будетъ, хоть и паршивый, японскій. Вельботъ можно принять завтра съ утра. Да, вотъ... прочтите... — и командиръ протянулъ ему сложенный листъ плотной веленовой бумаги.

Густыя брови старшаго офицера по мѣрѣ чтенія сперва поднялись до середины лба, затѣмъ озабоченно сдвинулись.

— Это не шутка?! Погрузить живого медвѣдя? Да развѣ наша „Свѣтлана“ плавучій звѣринецъ, что ли?!

— Къ сожалѣнiю, серьезно, и что хуже всего, нельзя отказаться. Губернаторъ давно уже говорилъ мнѣ объ этомъ, но я все рассчитывалъ, что, авось, онъ забудетъ про свои планы. Теперь же его письмо

ставить вопрос ребромъ. Всѣ мои доводы разбиты заранѣе. Медвѣдь или, вѣрнѣе, медвѣдица, — ибо это особа нѣжнаго пола, — взята двухмѣсячнымъ медвѣженкомъ отъ убитой матери, вскормлена охотничьей собакой и совершенно ручная. Такъ увѣряетъ, по крайней мѣрѣ, Его Превосходительство. Ну какъ отказать губернатору, такъ любезно принимавшему насъ?! — оживился командиръ. — Тѣмъ болѣе, что эта бестія предназначается въ подарокъ Ея Величеству.

„Старшой“ промолчалъ. Передъ его внутреннимъ окомъ всплывала картина оскверненной „этой бестіей“ бѣлоснѣжной, дѣвственно чистой палубы фрегата.

— Приходится покориться, Павелъ Петровичъ, — заключилъ командиръ. — Я сегодня буду у губернатора съ прощальнымъ визитомъ и скажу, что завтра съ утра будемъ готовы принять дорогую гостью. Приготовьте барказныя тали и занесите въ расписаніе медвѣдицу „Машку“.

— Какъ прикажете, — хмуро отозвался старшій офицеръ, теребя въ сердцахъ ни въ чемъ неповинную фуражку. — Задастъ намъ хлопотъ эта треклятая пассажирка! — И, выйдя на палубу, онъ погрузился въ длинныя, озабоченныя разсужденія съ боцманомъ Никитычемъ, такимъ же, какъ и онъ, ревностнымъ хранителемъ чистоты и блеска любимаго корабля.

А командиръ тѣмъ временемъ охалъ и стоналъ, пытаясь застегнуть крючки тугого шитаго воротника мундира, надѣтаго по случаю визита къ Его Превосходительству, губернатору Приморской области.

II.

Время летѣло. Давнымъ давно остались позади и Китайское море съ его предательскими штормами, и Индійскій океанъ съ его ровнымъ, освѣжающимъ муссономъ. Пройдено и пекло Краснаго моря, и острый

форштевень красавицы „Свѣтланы“ рѣжетъ уже голубую, ласкающую средиземноморскую волну.

За кормой тонуть въ синевѣ неба вершины уходящаго подъ горизонтъ Крита, по носу открываются въ голубой дымкѣ силуэты Цикладъ... Идетъ утренняя приборка. Потоки воды низвергаются на палубу, смывая послѣднія песчинки. Надъ струйками брандспойтовъ играютъ миниатюрныя, яркія радуги. Пахнетъ свѣжевымытой краской, мокрымъ деревомъ.

Пара зябликовъ, устроившихся на бесплатный проѣздъ съ африканскихъ зимнихъ квартиръ, перепархиваетъ съ штаговъ на ванты, съ вантъ на туго вытянутые брасы, наблюдая живыми, умными глазенками за всей этой человѣческой суетой.

Старикъ Никитычъ, широко разставивъ жилистыя, босыя ноги, съ серебрянной дудкой въ углу рта, править этой оргіей чистоты. Въ двухъ шагахъ отъ него — Машка, неуклонно слѣдующая за нимъ съ первыхъ звуковъ „побудки“.

...Простившись жалобнымъ ревомъ съ родной тайгой, Машка быстро освоилась съ новой жизнью, устроилась по домашнему въ отведенномъ ей на бакѣ стойлѣ, „поставила на мѣсто“ парой увѣсистыхъ затрещинъ „Ваньку“ и „Митьку“ — судовыхъ павіановъ, и самымъ добросовѣстнымъ образомъ принялась нести службу съ первой вахтой.

Команда души не чаяла въ своей любимицѣ; боцманъ Никитычъ самодовольно улыбался, оглядываясь на шествующаго по пятамъ за нимъ могучаго звѣря; со стола каютъ-компаніи для нея оставлялись любимыя лакомства; и даже строгое, подвижническое лицо о. Варсонофія озарялось мягкой улыбкой, когда Машка, тихо урча, клала ему на колѣни свою громадную, косматую голову.

Но Машка достигла еще большаго! Готовый первоначально встрѣтить ее „въ штыки“, старшій офицеръ констатировалъ — сперва съ удивленіемъ, затѣмъ съ удовлетвореніемъ, — что его опасенія за ревниво оберегаемую чистоту палубы не оправдались: по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства это удовлетвореніе приняло оттѣнокъ нѣкотораго уваженія къ положительному, степенному характеру этой особы, выгодно отличавшемуся отъ вертляваго, безпокойнаго темперамента обезьянъ; наконецъ, — ревностное, добровольное участіе Машки во всѣхъ авральныхъ работахъ окончательно покорило сердце стараго холостяка, не знавшаго другой привязанности, кромѣ своего корабля.

— Обѣ вахты навѣрхъ, лиселя ставить! — раздается дружный хоръ боцмановъ и квартирмейстеровъ и изо всѣхъ люковъ „сыпятся“ бѣлыя рубахи, толкаясь и стараясь проскочить, чтобы не попасть подъ цѣпочку боцманской дудки Никитыча, замѣняющую ему упраздненный линекъ и фатально обрушивающуюся на нижнее продолженіе спины „последняго“.

У правыхъ гротъ-вантъ, рядомъ съ готовыми ринуться вверхъ марсовыми и салинговыми, стоитъ Машка, положивъ переднія лапы на первую выблинку и слѣдя маленькими, умными глазами за фигурой „старшого“, расхаживающаго по мостику.

— По марсамъ и салингамъ!

Босыя ноги быстро мелькаютъ по просмоленнымъ выблинкамъ... выше и выше взбираются бѣлыя фигурки.

— Асафулиновъ! Шляпа соломенная... панамы мексиканская! Даже Машка раньше тебя будетъ на марсѣ! — слышится негодующій, слегка хриплый басокъ „старшого“.

И Асафулиновъ, — казанскій татаринъ, расторопнѣйшій вѣстовой, изъ котораго, однако, никакъ

не удастся выработать мало-мальски сноснаго марсового, — пытая и обливаясь потомъ, лѣзетъ наверхъ, чувствуя, какъ въ его голую пятку временами упирается мокрый, холодный носъ нагоняющей его Машки.

Онъ не слышитъ дальнѣйшихъ цвѣтовъ краснорѣчя „старшого“, заставляющихъ о. Варсонофія, взглянувшего было на ютъ, стремительно скрыться въ люкъ. Въ его довольно смутномъ міровоззрѣніи „панама мексиканская“ является самымъ язвительнымъ, самымъ страшнымъ, самымъ уничтожающимъ осужденіемъ. „Панама“ никогда не будетъ заправскимъ марсовымъ...

Отъ клотиковъ и почти до воды фрегатъ одѣлся парусиной. Широкими бѣлыми крыльями раскинулись ундеръ-лиселя.

— Съ ноковъ долой!

Старшій офицеръ слѣдитъ за секундной стрѣлкой часовъ и на лицѣ его расплывается довольная улыбка: „Лиселя поставили въ 2 минуты 16 секундъ... всего — до команды «подвахтенные внизъ!» — не набѣжитъ и двухъ съ половиной минутъ... рекордъ! Такъ, пожалуй, можно будетъ утереть носъ англичанамъ въ Гибралтаръ...“

Пронзительный крикъ, раздавшійся гдѣ то наверху, рѣзко оборвалъ пріятныя размышленія „старшого“.

Между гротъ- и фокъ-мачтами мелькалъ бѣлый комокъ, нелѣпо рикошетируя отъ идущихъ во всѣхъ направленіяхъ снастей.

— Носилки... доктора! — сорвавшимся голосомъ крикнулъ старшій офицеръ, спускаясь бѣгомъ по трапу. Съ полуюта спѣшилъ уже докторъ, аккуратно выходявшій туда по авралу; изъ носового кубрика санитары вытаскивали застрявшія на трапѣ носилки.

Бѣлый комокъ, скользя по грота-штагу, шлепнулся мѣшкомъ на бухту форъ-марса-фала.

— Кто такой? — спрашивалъ старшій офицеръ, расталкивая сгрудившуюся команду.

— Такъ что Асафулиновъ, Ваше Высокоблагородіе, съ гротъ-марса-рея сорвавшись... — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— На смерть убился? — спрашивалъ молодой, бѣлобрысый матросъ.

— Извѣстно, — презрительно отмахнулся коренастый марсовой, — съ гротъ-марса-рея да объ палубу...

— Раздайся, ребята! Пропусти господина дохтура! Опустившись на колѣни, докторъ быстрыми, увѣренными движеніями ощупывалъ неподвижное тѣло.

— Странно... невѣроятно... — пробормоталъ онъ, прикладывая ухо къ груди.

— Липченко, нашатырнаго спирту! Осади немного, ребята!

Фельдшеръ протянулъ пузырекъ. Всѣ шеи вытянулись, глаза впились въ блѣдное лицо. Вдругъ „покойникъ“ скорчилъ невѣроятную рожу и громко, отчетливо чихнулъ! Толпа команды радостно зашумѣла.

— Ну, какъ, молодець, — спрашивалъ докторъ, — оправился?

Глаза Асафулинова раскрылись, недоумѣвающимъ, полубезсознательнымъ взглядомъ обводя окружавшія его лица.

— Какъ же это тебя угораздило, братъ? — заботливо склонился надъ нимъ „старшой“.

Въ глазахъ татарина мелькнула искра сознанія. — Панама... Вашбродіе... торопился... — Взглядъ его вдругъ оживился: между двумя матросами просунулась острая морда Машки. — Вашбродіе... усетаки... моя раньше Машкамъ... съ марсовъ долой!.. — торжествуя закончилъ Асафулиновъ, сдѣлавъ попытку приподняться и тяжело упалъ назадъ.

— Обморокъ, — отвѣтилъ докторъ на тревожный взглядъ старшаго офицера, — встряска была здоровая. Часа черезъ два выспится — все пройдетъ! Ну, и повезло же татарвѣ! Хоть бы одинъ переломъ!

III.

— Вашбродіе, тальянскій адмиралъ на берегъ ѣдутъ, — докладывалъ сигнальщикъ Косорыленко лейтенанту, правящему утренней вахтой на фрегатѣ „Свѣтлана“.

На кораблѣ все тихо. Командиръ съѣхалъ на берегъ съ официальнымъ визитомъ. „Старшой“, схватившій малярію, третій день лежитъ въ каютѣ. Команда занимается починкой своего незатѣйливаго гардероба, на протянутыхъ леерахъ сушатся длинные ряды парусиновыхъ брюкъ, рубахъ, тѣльниковъ.

Лейтенантъ, внезапно оторванный отъ мыслей о далекой семьѣ, прервалъ свою прогулку по мостику, остановился и вскинулъ бинокль.

— Съ чего ты взялъ, Косорыленко? На „Duiio“ все спокойно.

— Никакъ нѣтъ, Вашбродіе. Я жъ примѣтилъ. Тальянцы въ жисть не чистятъ мѣдяшки на катерѣ, скромя какъ ежели адмиралъ, либо командиръ съѣзжаютъ. А вонъ уже десять минутъ, какъ они во всю дряютъ катеръ и ихній боцманъ съ бака на нихъ покрикиваетъ.

Хитрый хохолъ не ошибся.

Контръ-адмиралъ Conte Albardini со всѣмъ пыломъ своего сициліанскаго темперамента возненавидѣлъ русскій корабль, который регулярно „обставлялъ“ ввѣренную ему эскадру на всѣхъ ученіяхъ на добрыхъ полторы-двѣ минуты.

Представлялся прекрасный случай нанести большой конфузъ этимъ „русскимъ варварамъ“, „необтесаннымъ медвѣдямъ“, какъ ихъ величалъ про себя

Его Превосходительство. Шустрый флаг-офицеръ доложилъ, что русскій командиръ съѣхалъ на берегъ, и адмиралъ немедленно рѣшилъ нанести визитъ, заранѣе предвкушая удовольствіе видѣть растерянное лицо старшаго офицера, вынужденнаго принять его подъ развѣшаннымъ бѣльемъ и лишеннаго, благодаря этому обстоятельству, возможности проводить его установленнымъ салютомъ.

И адмиралъ, довольно потирая руки, расхаживалъ по своему кабинету, пока флаг-офицеръ десятый разъ выбѣгалъ наверхъ поторапливать приготовленіе катера.

На „Свѣтланѣ“ тѣмъ временемъ боцманъ Никитычъ говорилъ вахтенному лейтенанту:

— Есть, Ваше Высокоблагородіе... понимаю... безъ аврала... вахтеннымъ отдѣленіемъ. Не извольте беспокоиться: какъ скамандуете — въ одинъ секундъ уберемъ!

— Ишь ты, тальянская обезьяна, что надумалъ, на нашъ фрегатъ конфузъ наводить! — ворчалъ Никитычъ себѣ подъ носъ, спускаясь съ мостика.

Изъ-за форштевня „Dulio“ показывается паровой катеръ, пыхтящій во всю мочь изъ своей тоненькой трубы. На носовомъ флагштокъ трепещетъ контръ-адмиральскій флагъ. Разрѣзая зеркальную гладь залива, катеръ держалъ прямо на правый трапъ „Свѣтланы“. На фрегатѣ все тихо. Оставалось кабельтова два. Conte Albandini торжествовалъ.

Вдругъ на „Свѣтланѣ“ послышалась громкая, отчетливая команда, трель дудокъ. Адмиралъ протеръ глаза. Нѣтъ, онъ не ошибся! Бѣльевые леера исчезли!

Катеръ плавно подошелъ къ трапу; забурлилъ на заднемъ ходу винтъ.

На нижней площадкѣ трапа офицеръ въ безукоризненномъ бѣломъ кителѣ, приложивъ руку къ козырьку, почтительно докладывалъ адмиралу, что

командиръ уѣхалъ съ официальнымъ визитомъ, а старшій офицеръ лежитъ больнымъ и не можетъ встрѣтить Его Превосходительство. Адмиралъ слушаетъ разсѣяннo, закусивъ губу отъ досады, еще увеличивающейся отъ того, что при всей корректности выправки въ сѣрыхъ глазахъ лейтенанта мелькаютъ какія то искорки веселой ироніи.

Внезапно адмиралъ отдергиваетъ руку, положенную во время разговора на поручни трапа, — что то холодное, скользкое коснулось его пальцевъ! Адмиралъ поворачиваетъ голову и, поблѣднѣвъ, отшатывается... Въ нѣсколькихъ дюймахъ разстоянія на него смотритъ громадная, косматая морда какого то чудовища, показывающаго острые, бѣлые зубы и облизывающагося ярко-краснымъ языкомъ!..

— *Avanti!.. Tutta forza!..* — Катеръ срывается съ мѣста. *Conte Albandini* опускается на подушки кормового сидѣнія, стараясь подавить невольную дрожь.

А изъ полупортиковъ „Свѣтланы“ вырываются желтые огоньки и бѣлые клубы дыма медленно расплываются въ тихомъ утреннемъ воздухѣ. Фрегатъ провожаетъ адмирала установленнымъ салютомъ...

Тихій весенній вечеръ опустился на Неаполитанскій заливъ. Отзвучалъ перезвонъ церквей, погасла удивительная гамма розовыхъ и лиловыхъ тоновъ. Зеленоватымъ свѣтомъ луны залитъ бѣлый городъ, широкій серебряный путь тянется черезъ заливъ до синяго силуэта Капри. Надъ спящей вершиной Везувія — мутное зарево. Легкій вѣтерокъ приноситъ временами съ берега запахъ цвѣтущихъ апельсиновыхъ рощъ. Тишина. Охватываетъ какая то сладкая лѣнь и дремота.

Каютъ - компанія „Свѣтланы“ перекочевала на полують. Въ удобныхъ плетеныхъ креслахъ и лонгшезахъ такъ хорошо предаваться ивлюбленному занятію мѣстныхъ обывателей — *dolce-far-niente*. Разговоры утихли. Кто погрузился въ мечты, кто подремываетъ, кто слушаетъ пѣсенки, распѣваемые подъ звуки гитаръ и мандолинъ на стоящей у трапа шлюпкѣ.

Вахтенный мичманъ, облокотившись на поручни трапа, любитъ живописной картинкой шлюпки съ музыкантами. На маленькомъ помостѣ посреди шлюпки горитъ нѣсколько свѣчей — огоньки ихъ стоятъ неподвижно въ тихомъ воздухѣ.

Звенятъ мандолины, рокочуть струны гитаръ. Красивые горячіе голоса. И всѣ эти старые, затасканные шарманками мотивы — *Funiculi... Santa Lucia... Addio bella Napoli...* — приобрѣтаютъ въ этой обстановкѣ какую то особую, чарующую прелесть.

Вниманіе мичмана давно уже перешло отъ общей картины къ „частному случаю“... и каждый разъ, когда его взглядъ встрѣчается съ громадными, черными глазами сидящей на кормѣ шлюпки прехорошенькой неаполитанки съ задорной улыбкой на пунцовыхъ губахъ, мичманское сердце то замираетъ, то бурно бьется...

Музыканты перешли на новый, увлекающій мотивъ. Черноглазая красавица однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на помостъ и на этомъ крошечномъ пространствѣ начинаетъ кружиться въ вихрѣ тарантеллы.

Рядомъ съ мичманомъ, перегнувшись черезъ поручни и не отрывающимъ глазъ отъ извивающагося въ страстной и граціозной пляскѣ гибкаго молодого тѣла, — появилась какая то темная масса.

Тихо урча, Машка переступаетъ въ тактъ музыки на своихъ мягкихъ подошвахъ, мѣрно покачивая свою громадную голову.

Громче и быстрее звенять струны. Все быстрее темп пляски. Мичманъ весь ушелъ въ зрѣніе. Машка высунула голову и любопытно разглядываетъ своими маленькими глазками новое для нея зрѣлище.

Глухой шумъ паденія тяжелаго тѣла. Отчаянный вопль нѣсколькихъ голосовъ. Огоньки потухли. Музыка оборвалась. Шлюпка исчезла — и съ ней „она“!..

Внезапно вырванный изъ міра сладкихъ грезъ, мичманъ растерянно смотритъ на взбудораженную темную воду, и только раздавшійся съ юта голосъ старшаго офицера: „На шестерку! Концы съ трапа подать!“ — выводитъ его изъ оцѣпененія.

У борта вынырнула опрокинутая шлюпка, плаваютъ, вопя благимъ матомъ, итальянцы съ гитарами и мандолинами и въ серединѣ этого круга фыркаетъ и пытитъ Машка, хлопая лапами по водѣ. Съ выстрѣла сдается шестерка, подбирая обезумѣвшихъ музыкантовъ. Машку выволакиваютъ на трапъ и отправляютъ „подъ арестъ“ — въ стойло...

Бѣдный мичманъ, какъ сквозь туманъ, слышитъ „кислыя слова“ старшаго офицера о „невнимательности“, „нераспорядительности“ и прочемъ.

Ему не до нихъ...

Возвращающійся съ берега вельботъ подошелъ какъ разъ въ моментъ „катастрофы“, и мичману, подъ аккомпаниментъ „кислыхъ словъ“, приходится въ безсильномъ отчаяніи видѣть, какъ ревизоръ — красивый лейтенантъ, — подхвативъ изъ воды теряющую сознание красавицу, бережно укладываетъ ее на подушки вельбота... а „она“ — о, измѣнчивость, имя тебѣ — женщина! — открывъ глаза, — эти чудные черные глаза! — улыбается самой ласковой улыбкой своему спасителю — „этому несносному фату“, каковымъ отнынѣ считаетъ его оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ мичманъ...

... Машка жалобно скулить, сидя „подъ арестомъ“; у „старшого“ выплываютъ вновь старыя опасенія насчетъ „пассажирки“, командиръ поражается несговорчивостью итальянцевъ, требующей неоднократныхъ и продолжительныхъ сѣздовъ на берегъ ревизора „для улаженія конфликта“, — а мичманъ безповоротно рѣшаетъ стать истиннымъ морскимъ волкомъ, для котораго женщины — тѣфу!..

IV.

Раннее, ясное утро. Въ застывшей водѣ рейда отражается во всѣхъ мелочахъ стройный силуэтъ фрегата. У лѣваго борта грузятъ на полубарказъ мѣшки и корзины. У трапа собираются, поеживаясь отъ утренняго холодка, артельщики, буфетчики, вѣстовые. Баталеръ пытается выторговать у Никитыча двухъ лишнихъ человѣкъ.

Никитычъ сдается. Въ каютѣ его ждетъ кофе, который онъ любитъ выпить спокойно, обстоятельно, до начала приборки, — и, отдѣливъ двухъ человѣкъ изъ фронта вахтеннаго отдѣленія, онъ скрывается въ носовомъ люкѣ.

Вахтенный начальникъ, приказавъ отправить барказъ „въ свое время“, углубился въ рубкѣ въ непродумотрѣнные уставомъ размышленія.

— Всѣ, что ли, на барказѣ? Время вышло, Кузьма Доримедонтовичъ, — обращается вахтенный къ возсѣдающему на кормѣ баталеру.

— Погоди... меня захватите! — По палубѣ несутся съ корзиной командирскій вѣстовой Артемьевъ и, увернувшись отъ дружескаго пинка вахтеннаго, кубаремъ скатывается по трапу. За нимъ — развалистой рысцой слѣдуетъ Машка.

— Куда?!

Но Машка уже спустилась по трапу и осторожно перебирается на барказъ.

— Гони ее назадъ! Не вельно ее съ корабля свозить!

— Ничего, пушай себѣ прокатится... она на барказѣ съ крючковыми посидитъ. Съ самага Ніяполя, бѣдняга, подъ арестомъ!

— Ну, смотри, чтобы на берегъ ни-ни!.. „Старшой“ осерчаетъ!..

— Отваливай! — командуетъ старшина.

Пробираясь между рыбацкими судами и лодками, барказъ подходитъ къ молу спящей еще сладкимъ, утреннимъ сномъ Малаги. Въ большинствѣ бѣлыхъ домиковъ закрыты ставни.

Быстро высаживаются люди. Баталеръ уводитъ свою партію. Буфетчики и вѣстовые группами направляются въ городъ.

— Митяевъ и Сусликовъ, — обращается старшина къ двумъ крючкосымъ, — я пройду съ ребятами ноги поразмять, вы жъ у меня смотрите, не отлучаться и пуще всего, чтобы Машка съ барказу ни шагу.

— Есть, — минорнымъ тономъ отзываются обреченные на скучное сидѣніе въ компаніи Машки.

Время тянется. Машка, свернувшись калачикомъ на носовой банкѣ, спитъ. На молу — ни души. Скука...

— Митяевъ... а, Митяевъ?!

— Чаво тебѣ?

— Выпить бы...

— А у тебя есть что?

— Ни... да я знаю, гдѣ... вона, въ томъ домикѣ... позавчера мы заходили. Винцо, братъ, здѣшнее — первый сортъ!

— Уходить не вельно... опять же Машка.

— Машка дрыхнетъ. Барказъ никуда не уйдетъ. Мы вмигъ обернемся...

Соблазнъ великъ. Митяевъ, оглянувшись еше разъ на спящую Машку, выскакиваетъ вслѣдъ за искусителемъ на моль.

Винцо, дѣйствительно, первый сорты! Стаканчики опоражниваются такъ легко! Смуглый („вродѣ, какъ бы нашъ цыганъ“, — думаетъ Митяевъ) хозяинъ такъ любезно похлопываетъ по плечу и все снова нали-ваетъ...

— Что за шумъ такой, Кузьма Дормидонтовичъ?!

Баталеръ высунулъ голову въ маленькое окошко „бодеги“, куда онъ зашелъ со своимъ закадычнымъ пріятелемъ, шкиперомъ, выпить стаканчикъ „доподлинной“ малаги.

— Не знаю, Петръ Харитоновичъ. Бѣжитъ народъ съ базара. Да, взгляните только!

Оба высунулись въ окно.

По узкой улицѣ, ведущей съ базара, несся потокъ людей, кричавшихъ и жестикулировавшихъ, какъ помѣшанные. Неслись вскачь запряженные осликами телѣжки, бѣжали, голося и спотыкаясь, женщины съ вцѣпившимися въ юбки ревущими дѣтьми.

Оба пріятеля выскочили на улицу. Изъ сосѣдняго переулка показались старшина съ гребцами.

— Ребята, на базарѣ что то неладно. Надо пособить! Пожаръ, что ли?! — крикнулъ баталеръ. Слова его потонули въ ревѣ обезумѣвшей толпы, но, угадавъ его жестъ, команда, протискиваясь вдоль стѣнъ, бросилась на базарную площадь.

Опрокинутые лотки, разбросанные по землѣ товары, битая посуда, раздавленные кучи апельсиновъ и дынь, — все свидѣтельствовало о паникѣ, охватившей бѣжавшую толпу.

Дальше и дальше. Все та же картина разгрома — и ни живой души!

И вдругъ — разгадка! Подъ покривившимся, громаднымъ краснымъ зонтомъ — сидящая на заднихъ

лапахъ Машка, мѣрно покачивающаяся вправо и влево и съ довольнымъ урчаніемъ уписывающая сочную дыню...

Изъ опустѣвшей улицы послышался новый шумъ.

Въ съѣхавшихъ на-бокъ треуголкахъ и полуза-стегнутыхъ мундирахъ бѣжалъ взводъ карабинеровъ. Слышались отрывистыя слова команды. Щелкали затворы заряжаемыхъ на бѣгу ружей.

— Ребята! Не выдавай Машки!..

Тѣсное кольцо матросовъ сомкнулось вокругъ своей любимицы...

.

Въ этотъ вечеръ ревизоръ, вернувшись изъ *Presidio* — городского управления, — долго сидѣлъ надъ своими книгами, озабоченно подсчитывая остатки ассигнованія на плаваніе, облегченнаго въ этотъ знаменательный день на довольно внушительное количество пезеть...

V.

— Наконецъ то! Мы уже думали, что ты окончательно надулъ насъ! Гдѣ пропадалъ?! Такими возгласами ужинавшая въ Зоологическомъ Саду компанія морскихъ офицеровъ встрѣтила входившаго на террасу лейтенанта.

— Ей-Богу, не виновать, господа! Задержался въ Петергофѣ у дядюшки. Не отпускалъ старикъ-генераль, да и только!

— Дядюшка... или очаровательная кузина?! — пробормоталъ вполголоса одинъ изъ собравшихся.

Лейтенантъ слегка покраснѣлъ, но сдѣлалъ видъ, что не слышалъ, и продолжалъ:

— Но представьте себѣ, что я узналъ! Въ двухъ шагахъ отъ васъ — наша старая соплавательница — Машка!

— Какъ?! Развѣ она не въ Петергофѣ?!

— Нѣтъ. Дядюшка разсказалъ мнѣ, что по повелѣнію Ея Величества она передана Зоологическому Саду, не имѣвшему такой внушительной представительницы нашей сибирской тайги.

— Айда, господа, съ визитомъ къ Машкѣ!

Вся компанія поднялась съ мѣсть и, оживленно бесѣдуя, двинулась по аллеѣ.

Въ большой клѣткѣ, уткнувъ морду въ вытянутыя переднія лапы, спала громадная бурая медвѣдица. Группа офицеровъ подошла къ клѣткѣ.

— Машка!

Медвѣдица приподняла голову и открыла заспанные маленькіе глаза.

— Машка! По марсамъ и салингамъ! — звонкимъ голосомъ скомандовалъ молодой мичманъ.

Могучій звѣрь вскочилъ на ноги съ невѣроятной для его массы легкостью, бросился къ рѣшеткѣ и потрясъ вечерній воздухъ глухимъ ревомъ.

— Машка! Узнала!

Медвѣдица бѣгала вдоль рѣшетки, глухо ревя и пытаясь просунуть голову между прутьями... Вспомнила ли она авральныя ученія, неаполитанскихъ музыкантовъ и разгромъ базара въ Малагѣ?! Кто знаетъ?! Но безъ всякаго сомнѣнія, она узнала знакомые голоса, знакомыя лица...

Ни подбѣжавшій на ревъ сторожъ, ни вызванный имъ управляющій садомъ слышать не хотѣли о томъ, чтобы допустить посѣтителей въ клѣтку.

— Господа, я всегда радъ услужить, — говорилъ управляющій, — но я не могу взять на себя такой отвѣтственности и умоляю васъ отказаться отъ этой...

гм... безумно отважной мысли. Даже сторожа, давно знающіе ее, и то съ опаской входятъ въ клѣтку.

— Мы ее долше знаемъ, чѣмъ ваши сторожа!
— запальчиво крикнулъ мичманъ.

— Пойдите, — вмѣшался солидный капитанъ II ранга, — хоть вы и не высказываете прямо, но вы думаете, господинъ управляющій, что вы имѣете дѣло съ блажью выпившей черезъ мѣру компаніи?!

— Что вы? Помилуйте... — запротестовалъ управляющій.

— Такъ вотъ, взгляните на насъ, вы убѣдитесь, что мы всѣ находимся въ здоровомъ умѣ. А Машка, — указалъ онъ на волновавшагося звѣря, — прибыла съ нами на „Свѣтланѣ“ съ Дальняго Востока и весь переходъ жила на свободѣ среди насъ. Понимаете?!

Управляющій, поколебавшись, сдался.

— Михеичъ, открой!

И послѣдніе запоздалые посѣтители С.-Петербургскаго Зоологическаго Сада видѣли въ этотъ майскій вечеръ рѣдкую картину: группу изъ шести морскихъ офицеровъ въ клѣткѣ медвѣдицы, катавшейся у ихъ ногъ, ласкавшейся, лизавшей имъ руки и выражавшей громкимъ, непрерывнымъ урчаніемъ свою радость встрѣчѣ со старыми соплатателями...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. „Съ полуночи случаи“ 3 стр.
2. Враги 17 „
3. За други своя 26 „
4. Дипломатическій казусъ 38 „
5. Машка 52 „

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Цѣна 7 франц. франковъ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА при посредствѣ „МОРСКОГО ЖУРНАЛА“.

Knihtiskárna Frant. Chudomela v Hostivaři.